

"Дом" под землёй

Ясма Грин

**Ирма Давыдова
Ясма Грин
"Дом" под землёй**

<https://litres.ru/74461837>

Аннотация

Мир будущего даже не двойственен - их, по сути, три. Но ты никогда не догадаешься, где же на самом деле творятся самые страшные вещи...

Содержание

Пролог.	5
От автора:	10
Визуализация	11
Глава 1.	14
Визуализация кабинки транспортёра.	20
Глава 2.	22
Визуализация. Средний слой.	31
Визуализация. Нижний слой.	33
Глава 3.	35
Глава 4.	43
Глава 5.	51
Визуализация "Дома"	61
Глава 6.	65
Глава 7.	73
Глава 8	82
Глава 9.	88
Глава 10.	94
Глава 11.	98
Глава 12	103
Глава 13	110
Глава 14.	118
Глава 15	125
Глава 16	131

Глава 17	136
Глава 18.	141
Глава 19	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Пролог.

Держа в руках чашку, мужчина подошёл к панорамному окну. Вид по ту сторону стекла ласкал взгляд и вызывал умиротворение. Глядя на безоблачное небо и цветущую зелень, что покрывала стены зданий, могло бы показаться, будто ты в раю. Забрался куда-то выше облаков, выше всего мирского и той грязи, которая творится внизу.

Чудесный, захватывающий дух вид, вот только за него приходится дорого платить. Кому-то – в прямом смысле этого слова, но господин Смит любовался пейзажем из окна своего рабочего кабинета. Его плата была совершенно иной, и к деньгам не имела никакого отношения.

Сделав глоток виги*, мужчина медленно прикрыл глаза. Каждый раз глядя на улицу он вспоминал, насколько всё, что окружает его, зыбко и недолговечно. Вид за окном – это ведь только обманка для наивных простаков, готовых отдавать безумные деньги ради поддержания своих иллюзий. Мыльный пузырь, который до сих пор каким-то чудом ни на что не натолкнулся и не лопнул.

Хорошо тем, кто родился в Верхнем слое. Воздух там чист, а еды в достатке, как и других различных благ. Энергия так и витает вокруг, и выходить на улицу можно совершенно спокойно. Дома у жителей просторные, зимою в них тепло, а летом тебя обдувает приятный ветерок. А из окна у тебя

именно тот вид, который и имел счастье наблюдать господин Смит. Вот только счастье ли это всё?

Хорошо тем, кто родился в Верхнем слое. Да только давно уже никто не родился там по велению судьбы...

Есть даже поговорка такая – просто так рождаются только крысы да отщепенцы. То ли из-за генетических мутаций, то ли просто потому, что больше ни на что эти люди не годны, но именно там, в подземельях Нижнего слоя дети появляются не в специальных капсулах или при помощи врачей-магов, а сами по себе. Словно насмешка судьбы: мол, в катакомбах осталась только свободная любовь да самая толлика надежды, и больше ничего. Потому что дети отщепенцев пускай и появляются на свет как крысы, но так же быстро и погибают. Отсутствие солнечного света, плохой воздух, вечные сырость вкупе с холодом и без того не слишком-то способствуют нормальному здоровью. Добавьте к этому, что еды нет почти никакой, а про гигиену люди и вовсе позабыли, и вот мы получаем весьма печальную картину. Если один из десяти детей доживает до подросткового возраста, то это уже считается за благо. Правда «благо» довольно сомнительное, ведь подавляющее большинство так и не находит себе работы: парни подаются в разбой, а девушки – в Дома терпимости. Не элитные, разумеется, а самые простые, для таких же отщепенцев, как и они сами. Срок жизни что у первых, что у вторых весьма короток, и только единицы умудряются оставить после себя потомство. Опять же, прямо как крысы.

Однако даже в катакомбах не всё так печально. Если у тебя есть сила, выносливость и голова на плечах, то можешь попытаться счастья и устроиться на работу в одно из увеселительных заведений. А если окажешься баловнем судьбы, то и вовсе попадёшь в Средний слой. Там, правда, и своих работников немало, да и на отщепенцев смотрят свысока, зато получается заработать на продукты честным трудом. Разумеется, если хозяевам захочется платить за таких работников двойную ставку по налогу.

Поговаривают, что кое-кто сумел-таки перебраться из Нижнего слоя в Средний, но реальных примеров вам не покажет никто: то ли бывшие отщепенцы всеми силами стремятся забыть то время словно страшный сон, и потому не признаются, то ли это просто выдумка. Сказка, которую рассказывают детям перед сном, чтобы побыстрее заснули на пустой желудок. Волшебная история о том, что если очень постараться, то сможешь чего-то да добиться.

А в Среднем слое хорошо... Еда пускай и синтетическая, зато она есть. Дома – у каждой семьи своя отдельная квартира, и стены в ней не из ткани, давно покрытой плесенью и местами прогнившей, а каменные. Работа есть у всех, и ты не просто грузчик или кто-то на побегушках, а специалист! Иногда даже с дипломом. Детей учат в школах грамоте и счёту, а дважды в год ты можешь совершенно бесплатно сходить на приём к врачу. И магия... Тебе блокируют её аж наполовину! А значит, в два раза меньше ты мечешь-

ся ночами в бреду, чувствуя, как потоки энергии пронзают израненную землю, много поколений назад изуродованную людьми. Наполовину тише слышишь крики родной планеты, а на страдания животных можешь и вовсе закрыть глаза. Вот разве что искусственно тебя лишают и возможности рожать детей. Но что лучше – получить из капсулы своих обязательных двоих: сперва мальчика, а ровно через пять лет дочку, или рожать словно крольчиха, в боли и муках, каждый раз боясь умереть от потери крови или элементарного истощения? Вопрос открытый.

Но были ли такие везунчики, попавшие из катакомб в Средний слой, или нет, достоверно неизвестно. Люди продолжают жить мечтой, хотя не все и сильно ни на что не надеясь. Выживают как могут, питаются чем находят, и проживают день за днём, никогда не зная, проснёшься ли вообще завтра и будет ли кому присмотреть за твоими детьми. Потому что как только ребёнок остаётся на улице, дни его почти наверняка оказываются сочтены. Вот разве что если успеет прибиться к отряду беспризорников...

Господин Смит снова открыл глаза, но от окна отвернулся. Ну его. Надоело за столько лет. К тому же, сейчас у него были дела поважнее, и потому мужчина вернулся за свой рабочий стол.

Быстро просмотрел отчёты, которые накопились в его отсутствие, сделал пометку перекинуться парой словечек с представителями Директората, и набросал примерный план

того, что просто необходимо сделать в следующий приход. Здесь, в Верхнем слое, Джон Смит появлялся нечасто, и был этому факту даже рад. Ещё бы договориться с помощником, чтобы ему занавесили окно, убрав этот дурацкий вид на город... Но как ты объяснишь рядовым жителям, чего это ради он тебе так опостылел? Того и гляди, доложат куда надо и не надо, а потом вышибут не только из кабинета, но и прямо из слоя. А к этому Смит был пока ещё не был готов.

От созерцания очередной бумажки мужчину отвлек настойчивый, хотя и тихий стук в дверь.

- Святая Чернь, ну и кого там принесло? – пробурчал себе под нос Джон, только потом сообразив, что снова перешёл на диалект Нижнего слоя. – Войдите.

Дверь отворилась совершенно бесшумно, и гость сделал внутрь первый шаг.

**вига– безалкогольный напиток, содержащий кофеин. Аналог чёрного чая. В чистом виде его могут позволить себе только богатые люди, однако даже бедняки могут пить субститут, в котором довольно много примесей. В катакомбах люди пьют **виту– напиток, сделанный из корней. Почти не бодрит, но помогает согреться.*

От автора:

Хорошие мои, добро пожаловать в историю под названием «Дом» под землёй». Она в немного непривычном для меня жанре антиутопии, к тому же мне пришлось с нуля придумывать постапокалиптическую картину мира. Некоторые зарисовки местности мне любезно предоставил искусственный интеллект (будем надеяться, что он не станет впоследствии причиной этого самого апокалипсиса), и всё это для того, чтобы вы вместе со мной смогли погрузиться в атмосферу мира. Но с персонажами я буду вас знакомить сама, и они именно такие, какими их задумывала.

Искренне надеюсь на вашу поддержку – она для меня крайне важна. Каждая звёздочка-сердечко, добавление в библиотеку и подписка на меня как автора помогают расти. А ваши комментарии – отдельная строчка в песне! Я им всегда рада, потому что это – взгляд со стороны на саму историю и на персонажей. Маяк, указывающий, в верном ли вообще движусь направлении. И я вас за них заранее благодарю.

Устраивайтесь поудобнее, впереди нас ждёт много всего интересного.

Визуализация

Примерно такой вид из окна своего кабинета и может наблюдать господин Джон Смит:

Высокие здания, чистый воздух, много зелени. А того, что скрыто под землёй, жители Верхнего попросту не видят...

Глава 1.

— Слава Кайзеру и Директорату! — помощник Элсон произнёс традиционное приветствие. — Доброго вам дня, господин Смит.

— Слава Кайзеру и Директорату, — отозвался Джон, надеясь, что хотя бы не поморщился в момент оглашения стандартной фразы. — Как твои дела, Тед?

— Благодарю, господин, всё хорошо.

Смит знал правила игры. Будь добр к подчинённым, и они останутся тебе верны. Но будь добр только до определённого момента, чтобы не сели на голову. Ну и чтобы не подумали, будто предать тебя им может оказаться выгодно.

— Как супруга? Уже скоро будет пополнение?

— Ой, обещают в следующем месяце! — немолодой по сути уже Элсон расцвёл от этого вопроса, скинув добрый десяток лет. — Мы с Лу были на той неделе, и нам даже позволили посмотреть за процессом через стенки.

Через стенки...

А ведь и правда, Элсон не настолько богат, чтобы позволить себе услуги врачамага или, тем более, искусственное оплодотворение. Радость материнства и, соответственно, отцовства могут купить себе далеко не все жители даже Верхнего слоя. А уж о том, чтобы выносить ребёнка самой, и вовсе нет речи — тут потребуется всё мастерство врачема-

гов самого высшего уровня. Само собою, что кто-то навроде мелкого помощника могут рассчитывать лишь на искусственное выращивание потомка в капсуле. Зато они с женой, в отличие от жителей Среднего слоя, смогли хотя бы выбрать несколько наборов генов на свой вкус.

— Передавай привет супруге. После первого месяца малыша обязательно загляну в гости с подарком.

— Спасибо, господин, — помощник же почти сияет. Всё верно, будь к подчинённым милостив. — Только у нас не малыш — малышка. Жена мечтала о дочери.

А вот это она, конечно, зря... Если Святая Чернь будет милостива, то малютка так и останется жить в Верхнем слое. Но любая ошибка отца, и в лучшем случае семейству придётся переселиться в Средний, а то и в Нижний слой. А женщины там — просто расходный материал. Биологические единицы без права голоса.

— Всё готово к моей... кхм... командировке? — поинтересовался Смит, не желая продолжать разговоры о потомстве. Ну его, слишком уж неоднозначная тема. — В следующий раз появлюсь в Башне спасибо если через пару недель.

— Разумеется, господин, — тут же отрапортовал Тедди. — Я подготовил документы для вашего ознакомления, отсортировав только самое важное.

Хороший помощник. Послушный. И верный Директорату — только минимум мозгов и максимум преданности делу. А что ещё необходимо для мелкой сошки? Правильно, и этого

достаточно.

Примерно два часа ушло на то, чтобы разобраться со всеми делами впрок, и лишь после этого Джон Смит начал сборы.

Первое, что стоило сделать перед заданием — переодеться. Это в Башне Верхнего слоя без элитного дорогого костюма никак. Для катакомб же подобная одежда сродни ярлыку «будущий труп». Тебя просто прихлопнут в ближайшей же подворотне, сперва раздев до нитки, а после ещё и выпотрошив — хорошие органы на чёрном рынке немало стоят. И совершенно неважно в качестве чего: как материал донора, или закуска для отдельно взятых категорий.

Оставив в шкафу стального цвета костюм, Смит натянул на себя потёртые штаны с карманами и линялый свитер, а после осмотрел в зеркало. Уже давно не юный, но зрелость пока преобладает над только закрадывающимися признаками старости. Неплохо, вполне неплохо.

Двадцать лет назад он появился в Башне в первый раз. Разумеется, не большим начальником, как сейчас, а простым мальчишкой на побегушках. Но упорства и хватки у Джона всегда было в избытке, и именно поэтому он и добрался до таких высот.

Его ценит Директорат. О нём наслышан даже сам нынешний Кайзер! Смит — ценный кадр, который в состоянии как следует поработать на благо Верхнего слоя. Вот разве что даже в Директорате далеко не все в курсе специфики его ра-

боты.

— Отправитесь через запасной выход? — уточняет Элсон, стоило его начальнику появиться из-за ширмы.

— Само собой, — хмыкнул Смит, мысленно хмыкнув. Надо же, каким брезгливым взглядом этот чистоплюй осматривает его одежду... Как-будто сам может позволить себе одеваться на уровне Директората! — Тем более, до перехода в Средний слой оттуда ближе.

Элсон только кивнул. Всё верно, нельзя попасть в Нижний слой напрямую из Верхнего, как и обратно. Директорат тщательно позаботился, чтобы жители разных слоёв не перемешивались друг с другом, и территории каждой зоны жестко ограничены. Из Верхнего слоя есть только один проход в Средний, а уже оттуда — два в Нижний, но оба располагаются по разные концы и далеко друг от друга.

Путь в самый низ может занять и день, и два — смотря как повезёт. Впрочем, Смит ничего не имел против прогулки.

— Слава Кайзеру и Директорату! — опять подобострастно сообщил Тед, прежде чем закрыл за Смитом дверь пожарного выхода.

— Слава...

Знал бы кто, как же это всё ему осточертело...

Пожарный выход назывался таким постольку поскольку. На самом деле, всеми этими проходами, дверями и лестни-

цами пользовались только в том случае, когда необходимо было выйти из Башни так, чтобы рядовые зеваки тебя не засекли. Да и не рядовые тоже, потому как далеко не каждый из членов Директората был в курсе, что Джон Смит часть времени проводит не за удалённой работой в своей комфортабельной квартирке, а в штабе на Нижнем слое. И перебирание бумажек — далеко не все его должностные обязанности.

К проходу в Средний слой Смит подобрался также не через парадную сторону. Впрочем, кому вообще в голову придёт называть ворота в нижние слои парадными? И даже больше, кто в здравом уме вообще захочет посещать подобные места, кишящие болезнями, антисанитарией, а воздух в которых едва ли можно вдыхать? Пожалуй, именно воздух был единственным, по чему Джон действительно скучал там, внизу, а вот всё остальное...

Разумеется, здесь не было никакого конвоя, и Смит прошёл сквозь врата перехода, просто приложив специальный пропуск. Сам переход занимал от силы пять минут и для простого обывателя казался чем-то навроде поездки в лифте. Вот разве что скамеечек не предполагалось, чтобы посидеть. Вообще ничего, так как с чем ты приходишь в кабинку, таким и выйдешь, а стены отделаны специальным материалом. Да и пространство слишком узкое.

Мужчина даже не смог бы подсчитать, сколько в своей жизни раз вот так перемещался. Однако до сих пор помнил то волнение, которое испытывал во время первого перехода,

когда его, семнадцатилетнего шустрого мальчишку, впервые запустили в Верхний слой. Ни высокие здания, ни голубое небо — ничто уже не было способно удивить Джона, называвшегося тогда другим именем, сильнее, чем эта простенькая кабинка транспортёра.

На выходе Смита также никто не остановил. Подразумевалось, что если уж попал в Средний слой из Верхнего, значит так и надо. Это туда, к небожителям, с тебя сдерут три шкуры если в чём-то заподозрят, а здесь переживают только когда в Средний попадает кто-то из катакомб. Потому как для отщепенцев уже они — небожители.

Мужчина бросил взгляд на наручные часы — очень простенькие, только и умеющие, что показывать время. Неплохо, можно даже сказать хорошо. До глубокой ночи, а значит и до комендантского часа, ещё далеко, и можно просто прогуляться до следующего перехода. Проветрить голову вдали от подобострастного поклонения Кайзеру и Директорату, позволить отдохнуть глазам на серых оттенках. В конце концов, просто прикупить на улице вигу навынос и топать, прихлёбывая её мелкими глотками, чтобы не обжигать гортань. Ну и, само собою, настроиться на то, что следующие две недели тебе придётся провести в самом гиблом месте на этой богам забытой планете.

Нижний слой.

Катакомбы.

Визуализация кабинки транспортёра.

Устройство, благодаря которому любой из жителей любого же слоя может перемещаться между ними. Ну ладно, не совсем любой и не куда угодно.

Схема работы транспортёра для подавляющего большинства остаётся загадкой. Правда обычно никто и не стремится разбираться в механизмах перемещения.

Глава 2.

По сути, кто живет на Верхних слоях? Любимчики судьбы и самые счастливые люди на этой израненной и изуродованной планете. Потребители от макушки до кончиков ногтей. Те, кто привык исключительно брать, считая это право данным им свыше, и до трясушки боящиеся его потерять.

Средний слой — другое дело. Здесь почти все сплошь работяги. И «средний» было самым правильным словом, которое могло описать их жизнь. Тут ничего не выделялось, а основным цветом был нейтральный серый — цвет неба через купол. Тот самый, который пускай и пропускал часть лучей света, но совсем немного. Так, исключительно чтобы хоть как-то отличаться от катакомб.

Вига в стаканчике у Смита оказалась весьма посредственной. Ещё чуть-чуть, и её можно будет считать «витой» — заменителем. Суррогатом, ко вкусу которого тоже привыкаешь, но радости от напитка не получаешь почти никакой. Правда Джон по этому поводу никогда не заморачивался, а Вита и вовсе была напитком его юности. Сказал бы, что и детства, но нет — тогда в распоряжении парнишки была исключительно отвратного качества вода. Если повезёт, то подогретая. Впрочем, даже те кошмарные времена мужчины вспоминал порою с большим теплом, чем свою жизнь в Верхнем слое, и сейчас просто делал глоток за глотком, и не

подумав жаловаться. Его грела мысль, что, когда доберётся до места, Вита приготовит для него самый вкусный напиток из всех, что он только пробовал. Вот шутка — Вита будет готовить виту!

Путь до перехода в Нижний слой был привычным, ноги едва ли не сами несли мужчину в нужном направлении. Вот знакомая лавка башмачника. Продуктовый магазин, где по дешёвке можно затариться местными сладостями. Салон с готовой одеждой и лавка с тканями находятся по соседству, и у них даже один и тот же хозяин. Тот самый, который не чурается двойной ставки по налогам и нанимает отщепенцев. Соседи и клиенты чётко разделились во мнениях, идиот этот парниша или слишком уж жалостлив, раз даёт работу всякому сброду, но в одном он точно преуспел — в популярности. Его точки всегда на слуху, а значит и продажи выше, чем у конкурентов. Что самое забавное, хозяина лавок проверили вдоль и поперёк, но уровень его интеллекта показывал самые что ни на есть стандартные значения. И тут уж грамотеи разводили руками: или он просто ухватил нужную волну, или гениален настолько, что умеет это скрывать. Покопаться бы во всём этом поглубже, да времени вечно не хватает. Ну и лень, разумеется.

Таких вот лавочек и мелких точек продаж на пути Джона попадается огромное количество, хотя за одноэтажными зданиями видны и крыши мануфактур, а ещё дальше — огромные механизированные предприятия. Всё верно, ведь

не на Верхнем же слое располагать подобные гиганты, засоряя атмосферу и портя вид богатым потребителям! А середнячки потерпят. Собственно, для этого их здесь и держат. Притом не просто держат, но даже искусственно ограничивают всё, что в нынешнем мире считается проклятием. Карой небесной. Связью с землёй.

— Эй, Джонни!

Мужчина оборачивается в поисках того, кто его окликнул. Ну надо же, пройдоха-зеленщик!

— Здорова, Торец, — минута, и вот он уже обменивается традиционным постукиванием ладони с высоким и частично полысевшим мужчиной. — Как твой цветущий бизнес?

Поговаривают, что отклонение от нормы в росте у него из-за матери, бывшей жительницы Верхнего слоя. Хотя мамашу его в глаза никто не видел, но Смит не просто так считает этого здоровяка пройдохой. Проверить бы такого на детекторе, и наверняка узнаешь немало интересного. Но Джон предпочитал не вмешиваться. Даже врагу не пожелаешь подобного тестирования, ведь аппарат помимо проверки сам доведёт испытуемого до нужной ему кондиции. Такое себе развлечение.

— Цветёт, — ухмыльнулся зеленщик. Хотя «цветёт» — громко сказал, ведь вся еда, включая зелень, здесь сплошь синтетическая. Выращена, но не вполне привычным путём. — Давненько тебя не было видно.

— Да и потом ещё не скоро появлюсь.

— И как ты только выживаешь в этих катакомбах?

Вопрос, разумеется, риторический. Но для большинства местных жителей Джон Смит вовсе не важная шишка Верхнего слоя, фактически правая рука Директората, пускай и теневая. Здесь он — обычный трудяга, которому не посчастливилось устроиться на средненькую должность в Нижний слой. Впрочем, работать в катакомбах официально почти что чудо, так что и здесь его можно назвать везунчиком.

— Ладно, заглядывай как-нибудь — с меня вига.

— Замётано.

Ещё одно постукивание ладоней, на этот раз в знак прощания, и Торец растворяется среди чужих спин. Его макушка, прикрытая головным убором, маячит совсем недолго: буквально пока тот не заворачивает за угол. И Джон довольно быстро выбрасывает знакомого из головы. Такие индивиды попадают на его пути нечасто, а основная масса всё же соответствует стандартам.

Главное правило Среднего слоя — не выделяться. Никто здесь не носит яркие одежды, как и не делает кричащих вывесок на своих лавках. Если ты ничем не отличаешься от других, то и вопросов к тебе не возникает. Никто не приходит потрошить твой товар, проверять, насколько рьяно придерживаешься комендантского часа, да и налогами сверх меры не обложат. А самое главное, не лишат тебя таких привилегий, как ношение браслета блокировки и походов к врачам. И, разумеется, позволят твоим детям появиться на

свет.

Припомнив ненароком Элсона и его Лиз, Смит слегка поморщился. Несмотря на относительную по меркам Верхнего слоя бедность, те смогли завести ребёнка именно такого, какого хотели. Да, выращенного в капсуле, зато сами выбрали пол и смогли заказать целых три качества. В Среднем такого роскошества не существует. Регламентировано всё, начиная от возраста вступления в брак и заканчивая цветом глаз будущего младенца.

Женятся жители Среднего в возрасте от двадцати двух до двадцати пяти лет. Мужчинам делается поблажка, и вступление в брак могут отсрочить до двадцати восьми, да и то далеко не в каждом случае. Женщинам подобной вольности и вовсе не позволяют. Ровно через год после свадьбы молодожёны вправе забрать своего первого ребёнка: обязательно мальчика, который по внешнему виду будет похож на мать. Ещё пять лет, и в семье появляется девочка — копия отца. Впрочем, с тем набором генов, которые добавляют, выращивая детей в капсулах, отличия не слишком велики. Главное, чтобы не случилось перехлёста, но за этим чётко следит целое отделение врачемагов, которые в большинстве своём также обитают в Среднем слое.

И вот на выходе получается стандартная семья, состоящая из четырёх человек. Меньше — нельзя, иначе появится перекося в количестве населения. Больше, соответственно, тоже. Единственной причиной, по которой вам будет позво-

лено подать заявку на рождение ещё одного ребёнка, будет только смерть предыдущего, но сохрани вас Святая Чернь от подобной участи. И вот родители стареют и умирают, а их дети вырастают, женятся, и этот круг повторяется снова и снова. А потом снова и снова.

Средний слой — основа этого мира. Без него не выживет ни Верхний и не Нижний. Но эта же основа и тянет весь мир вниз, ведь люди здесь способны только работать и повторять заученные действия, но никогда — изобретать, творить или идти против правил. И, разумеется, им даже в голову бы не пришло спросить, а кто же движет прогрессом, если он вообще существует. Кому принадлежат изобретения, и чьих рук дело всё, чего они касаются. К счастью для этих работяг, да и для остальных слоёв, посредственный уровень интеллекта не позволяет задаваться такими вопросами. Он милостиво разрешает тебе жить в спокойном невежестве.

Выбросив стаканчик из-под виги, Смит завернул было к нужным ему воротам перехода, но что-то будто бы толкнуло мужчину остановиться.

Игнорировать чутьё он не привык, и потому быстро оглянулся.

Магазинчик готовой одежды? Нет, не то.

Ещё одна точка продажи виги? В принципе, можно, и даже взять с собой немного на развес, чтобы было что пить там, в Нижнем слое. Опять же, Вита будет довольна... Но нет, снова не это, и вот опять Джон вертит головой.

Лавка со сладостями. Самые простые леденцы на палочке, коренья в сиропе и синтетические конфеты — вот и весь ассортимент, но Смита почти разрывает на части, так ему хочется набрать этой гадости полные карманы. Что он и делает под внимательным взглядом хозяйки лавки.

Смотреть в упор на замужнюю женщину в годах считается дурным тоном почти в любом слое, разве что помимо Нижнего, и максимум, что может позволить себе Джон — взгляд из-под ресниц. Заметны усталость и отсутствие воли к жизни. Женщина словно от чего-то давно отреклась. А стоило мужчине подключить и внутреннее зрение, как он отметил ещё и чёрные в зеленцой ленты, которые обвили правую руку хозяйки лавки.

— С вас четыре единицы, — безэмоционально сообщили Смиуту, и тот послушно отсчитал нужную сумму. — Приходите ещё.

А на стандартную фразу не ответил и вовсе. Будь у Джона Смита чуть больше человечности и меньше здравого смысла, он посоветовал бы женщине обратиться за помощью. Сейчас, на начальном этапе, заразу ещё можно излечить. С таким уровнем справится даже самый захудалый врачемаг, но если подождать хотя бы месяц, то хозяйку лавки уже ничто не спасёт. По мнению тех, кто не обладает внутренним зрением, она просто уйдёт к Святой Черни, устав от мирских забот.

Но как знать, возможно для жителя Среднего уровня это

совсем не плохой уход, ведь несмотря на то, что зараза вытягивает жизненные силы, боли от неё нет и в помине. И лучше уйти так, чем под обвалом в катакомбах или и вовсе сгинуть в Доме терпимости, как это происходит со многими женщинами Нижнего.

Отмахнувшись от тяжёлых мыслей, мужчина наконец скользнул к воротам и едва заметно вздохнул. Вечер, а значит сейчас здесь будет очередь. Совсем вылетело из головы!

Перед Смитом было человек восемь, и каждого должны были как следует досмотреть. Ни на входе в Нижний слой, ни на выходе не было и в помине той расхлябанности, которую могли проявить жители Верхнего. Тут зачастую приходилось иметь дело с пронырами, обманщиками, а то и головорезами, и оставалось лишь молиться Черни, чтобы впереди стояли сплошь порядочные парни, которым нечего скрывать. А то недолго достоять и до комендантского часа, и тогда нынче же вечером вниз просто не попасть.

Молитвы Джона были услышаны, и он вошёл в кабинку перехода, имея фору в целых полчаса. Довольный собой, на выходе из неё мужчина даже положил за щёку один из леденцов, которые так и лежали в карманах, и вышел к самой широкой улице — единственной, что освещалась масляными фонарями, а раз в час на несколько минут вспыхивала ультрафиолетом. Теперь каких-то двадцать минут пути по прямо, потом свернуть к заброшкам, и до «Дома» уже рукой подать. И пускай вокруг был затхлый воздух, сырость и грязь,

но настроение мужчины поднялось на небывалые высоты.

Он, кажется, и вовсе бы шагал, насвистывая весёлую песенку, если бы не знал, что таких вот довольных жизнью гостей отщепенцы не любят. Того и гляди, пощекочут опрометчивого весельчака пёрышком, предварительно вывернув все карманы — обирать трупы для отщепенцев моветон. Но не продвинулся и на несколько сотен метров, когда буквально наткнулся на невидимую стену.

Сила. Огромная, необузданная и, судя по всему, совсем необученная, сила практически хлестала из-за ближайшей подворотни. Она была огромной настолько, что чёрные ленты доставали даже досюда, не чураясь света фонарей. Неужели Джон умудрился наткнуться на настоящий самородок просто так, всего лишь выйдя из портала?..

Визуализация. Средний слой.

Серость во всей своей красе. Дым, гарь, здания на несколько этажей, и почти все - мануфактуры или другое производство.

Вид голубого неба жителям этого слоя недоступен, потому как сверху находится купол, для жителей Верхнего выглядящий как водоёмы.

Визуализация. Нижний слой.

Нижний слой. Он же - катакомбы. Город под землёй, где люди живут в палатках и закутках, а освещение сводится к кострам и факелам, лишь несколько часов дающим так необходимый всему живому ультрафиолет. Здесь всегда холодно, сыро, единственными растениями являются мхи да лишайники, а животными - крысы да тараканы.

Глава 3.

— Ну же, не плачь. Пожалуйста...

Смит выглянул из-за угла подворотни, стараясь не привлекать к себе внимание. Чёрные ленты так и сновали вокруг, показывая, что здесь сконцентрированы колоссальные потоки энергии. А то, что к ним примешивались искорки жёлтого цвета, говорило об огромном отчаянии, поглощающем обладателя этой силы.

Там, в тени обломков, покрытых мхами и плесенью, стояла проржавевшая бочка. Огня в ней было не слишком много, но худо-бедно пространство вокруг она обогревала. Неподаляку от неё стояла маленькая девочка, очень лохматая и худая, но Джон её почти не замечал. Взгляд мужчины был намертво прикован к мальчику лет десяти, сидевшем перед малявкой на корточках, вокруг которого ленты почти срослись в плотный клубок.

— Ну же, Эми, — ворковал тот, поглаживая девочку по спутанным волосам. — Что ты хочешь? Скажи, я всё сделаю.
— Где мама?

Жёлтые всполохи стали особенно яркими, и Смит хмыкнул. Видимо, как раз на этот вопрос мальчишка ответить и не мог.

Мужчина убрал внутреннее зрение, теперь присмотревшись к этой парочке уже по нормальному. Мальчик был рослым и довольно крепким. Жилистым, хотя, казалось бы, откуда такому появиться у отщепенцев? Тёмные волосы подстрижены аккуратно, да и одежда... На ней, конечно, присутствуют пятна грязи, и сразу видно, что не менялась она несколько дней. Но в целом ребёнок выглядел достаточно прилично. Для жителя катакомб, разумеется.

— Эй, папаша. Подкинь пару единиц на виту.

Смит вздрогнул, настолько неожиданным был возглас за плечом. Он повернулся лишь на чуть-чуть — даже по запаху понятно, что обратился к нему очередной забулдыга, который решил поживиться на счёт одинокого прохожего.

Вместо ответа, мужчина вытащил из кармана перочинный ножик. Небольшой, но очень острый. Даже при плохом освещении проулка его лезвие сверкнуло так, что вздрогнул теперь уже бродяга. А стоило добавить коронный суровый взгляд Смита, и непрошенный гость сперва попятился, а после и умчался, за малым не сверкая пятками.

Теперь ничто уже не отвлекало правую руку Директората от

наблюдения за удивительным пареньком. Парочка так никуда и не подевалась, как не исчезли жёлтые всполохи на чёрных лентах силы мальчишки.

— Ты голодная? Давай пойдём и поищем какую-нибудь еду, хорошо?

— Я хочу к маме, — шмыгнула носом малышка. — Кевин, пойдём к маме...

— Что-нибудь вкусненькое, — не унимался тот. Брат? Скорее всего, ведь вряд ли стал бы так волноваться из-за постороннего ребёнка. — Вдруг мы сейчас пойдём и найдём вкусную конфетку? Помнишь, папа приносил как-то?

— Папа...

Девочка снова всхлипнула, и даже Смит понял, что сейчас начнётся новый виток этих соплей и нытья. Хоть бы она подевалась куда, что ли...

Машинально засунув ладонь в карман, Джон едва не вскрикнул от находки. Конфеты! Он же буквально пару часов назад набрал целую кучу сладостей, и вот сейчас они придутся очень кстати.

Вытащив сразу три конфетки и два корешка в сиропе, он сделал шаг вперёд, выходя из своего укрытия.

— У меня есть несколько конфет, — проговорил он громко, но при этом стараясь добавить в голос максимальное количество дружелюбия. — Случайно оказались, и мне они не нужны. Хочешь?

Разумеется, Смит смотрел прямо в глаза мальчишке, ко-

торый вострепнулся и закрыл собой девочку. Словно она вообще могла кого-то заинтересовать! Впрочем, это же Нижний. Тут даже такие маленькие дети в цене, притом у совершенно разных категорий населения. Но Джону было на неё плевать, ведь чёрные ленты исходили только от её брата. Если они вообще родня.

— Нам ничего не нужно.

Надо же, какой сообразительный пацан! Знает, что нельзя брать у чужих даже самую мелочь. В Нижнем и пятилетние обязаны знать эту истину, если хотят жить.

— Но ведь она голодная, — Джон кивком головы указывает на малявку, прекрасно понимая, на что здесь можно надавить. — Смотри, я отломлю половину и съем сам, чтобы ты убедился, что они не отравленные.

Он и вправду откусывает кусочек корешка и начинает методично жевать. Гадость, разумеется, редкостная, но для бродяжек должно показаться манной небесной.

— Видишь? Я спокойно ем.

Мальчишка не отводит взгляд, волком смотря как кадык Смита двигается в глотательном жесте. Но тут малышка, про которую мужчина почти позабыл, кладёт свои пальчики брату на плечо.

— Кевин...

Она не просит и уж точно не требует. Просто привлекает к себе внимание, но теперь для пацана важна только она.

Кевин, получается... Ну же, давай. Забери эти чёртовы

сладости и послушай — вот и всё, чего хочет сейчас правая рука Директората. Это ведь не сложно, да?

— Держи, — Джон делает шаг вперёд, и мальчик пусть и вздрогнув, но протягивает ладонь.

Он забирает только тот корешок, который до этого откусил их внезапный благодетель, и первый, крохотный укус, делает сам.

Молодец. Внимательный и осторожный малый.

Девчонка же вгрызается в лакомство зубами, размазывая слюни по чумазым щекам. Корень пропадает в ней моментально, и Смит уже держит наготове остальные сладости.

— Зачем вы нам помогаете? — мальчишка опять смотрит исподлобья — он явно не привык доверять незнакомым взрослым. Но во взгляде нет злости, как это бывает у беспризорников — скорее интерес. — Мы вас не знаем, и у нас нечего взять.

А вот тут он ошибается, но об этом позже.

— Помогаю просто потому, что могу, — Джон пожимает плечами. — Меня так воспитали родители.

Разумеется, Смит врёт. Никаких родителей он попросту не помнит, а всё детство прошло словно в тумане, где самым чётким воспоминанием был постоянный голод и драки за нормальное место для ночлега. Но этого ребятам говорить не стоит, зато настало время как следует надавить.

— Это твоя сестра? — Смит кивает на девочку, которая как раз заканчивала расправляться со вторым корешком.

Его, кстати, также сперва надкусил старший брат. — Хорошенькая. А где ваши родители?

Малютка занята сладостями, и видимо пропускает вопрос. Но вот лицо Кевина мгновенно каменеет.

— Они... — колеблется. Стоит ли говорить незнакомцу правду? Не навредит ли? Но для десятилетнего мальчишки такая ноша слишком тяжела. Ему очень хочется хоть с кем-то её разделить. — Несколько дней назад случился завал. Они вытолкнули нас с Эмилией, но сами...

Кевин не договаривает, да Джону это и не нужно. Порою в катакомбах случаются обвалы, и этим никого не удивить. Когда ты живёшь под землёй, то учишься быть готовым к любому бедствию. Другое дело, что Смит прекрасно знал — подобные обвалы очень даже санкционированы. Эдакий контроль над численностью Нижнего слоя, во время которого попросту давится десяток-другой крыс. Отщепенцев здесь никто не считает. По ним никто не плачет. Ну или почти никто помимо таких вот сирот, которых родители спасли ценой своей жизни.

— И что теперь будете делать?

На самом деле, вопрос почти что риторический. У жителей Нижнего не принято присматривать за чужими детьми, и априори отсутствуют родственные связи. Если повезёт, то эти двое прибьются к беспризорникам, и может быть даже выживут. Мальчишка выглядит достаточно крепким, чтобы остаться в какой-нибудь банде, а девочка... Девчонки с неис-

порченными мордашками всегда будут в цене. Ненадолго, разумеется, но факт.

— Я — сильный, — тут же заявляет Кевин, даже слегка выкатив грудь колесом. — Смогу устроиться на работу и прокормить нас с сестрой.

— Забудь, — прохладно, но безапелляционно отрезает Смит. — Даже взрослые мужчины здесь только изредка перебиваются короткими заработками. А кто станет брать на работу сопливого мальчишку?

Кажется, конфеты у девочки закончились, но половину корешка она протягивает брату. Надо же, какая забота! Вполне возможно, что именно расчувствовавшийся парнишка сможет принять как раз то решение, к которому его и пытаются склонить.

— Меня зовут Джон Смит, — представляется мужчина. — И у меня есть к тебе, Кевин, деловое предложение.

Глава 4.

- Предложение? – эхом переспрашивает мальчишка.

- Деловое, - поправляет Джон, напустив на себя важности.

– Ты, как я вижу, парень смыслённый и довольно сильный. А может даже и ловкий, - добавляет он, ловя кивок мальчишки. – А я, так уж получилось, как раз являюсь директором заведения, в котором с удовольствием принимают таких вот ребят.

- Что-то вроде школы, где можно получить образование? – интересуется Кевин, и мысленно Смит хмыкает. Надо же, знает про такое.

- Скорее интернат, потому что дети там и проживают. Я предлагаю тебе место в нашем заведении, где ты всегда будешь сыт, у тебя будет своя постель, да к тому же сможешь научиться читать и писать. Поверь, в жизни и такое может пригодиться.

- Я уже умею читать и писать, - мотает головой парнишка, и этим заставляет Джона опешить ещё сильнее. Что за самородок едва не сгинул под обломками? И главное, как его до этого умудрились проглядеть? – Но что-то я ни разу не слышал, чтобы на Нижнем уровне были такие вот интернаты...

Чёрт! А вот о том, что ему начнут задавать неудобные вопросы, Смит не подумал. Разве мальчишка, оказавшийся на улице, не станет хотеть в первую очередь нормально поесть

и поспать? Наверняка специально обученные вербовщики смогли бы уговорить пацана быстрее и ловчее, но сейчас таких под рукой нет.

- Ты и не мог ничего слышать про «Дом», - решается мужчина на честный ответ. – Потому что мы не набираем кого попало, и рядовые бродяжки с улицы нам не нужны.

- А я, получается, не кто попало?

Уверенный взгляд сталкивается ровно с таким же, и Смит медленно кивает.

- В тебе я вижу хороший потенциал. Год, два или чуть больше, и его получится неплохо развить. У тебя появится не только кров, но и работа в будущем. Так что соглашайся.

Несколько секунд мальчик продолжает смотреть, но после отводит взгляд и сжимает в руке ладонь своей сестрёнки.

- А Эми? – спрашивает он. – У неё тоже есть потенциал? Её вы тоже возьмёте?

Э... Такого поворота Джон не ожидал. Хотя чему тут удивляться, если девчонка дорога этому Кевина?

- Нет, Эми в «Доме» не место, - мотает мужчина головой. – Она слишком маленькая, а мы набираем детей не младше десяти. Тебе ведь уже есть десять лет?

- Скоро будет и одиннадцать, но без Эмилиии я с вами не пойду.

- Но мы не можем нарушать правила, Кевин, - продолжил Смит, но чуть-чуть мягче. – Таким крошкам в «Доме» нечего делать. Но я могу поговорить со своим другом, и её возь-

мут на воспитание в другой интернат. Или приют.

Разумеется, ничего подобного он делать и не собирался. Малявку стоит просто выбросить за порог, а там уже как судьба распорядится. Крысы – они ведь живучие, так что как знать, вдруг и ей повезёт. Но мальчишка вдруг вытягивается в струнку, и чёрные ленты, что окружают его, теперь отливают серебром.

- Или я иду вместе с Эми, или вообще не иду в этот ваш «Дом».

Святая Чернь, это ещё что за фокусы! Джону просто необходимо завербовать мальчишку – не так уж часто даже в катакомбах можно встретить подобный потенциал. Но малявка...

— Это действительно хорошее место, и там о девочке смогут позаботиться, - продолжил мужчина, сделав голос ещё мягче. Ну почему, почему эта парочка не попалась вербовщикам? Как же раздражает подобная возня... – Эй, Эми! Ты хочешь в заведение, где будут жить другие маленькие девочки, и у тебя появится своя мягкая постелька? И сладости по выходным.

- Вы говорите, словно рекрут в Доме терпимости, - фырчит Кевин, в рукав которого сейчас вцепилась мелкая гарпия, что наверняка даже не поняла про кровать и конфеты. – Там тоже мягко стелют, да жёстко спать.

Если бы этот пацан не был настолько уникальным, Смит бы с огромным удовольствием послал его куда подальше.

Как смеет так разговаривать со старшими! С чего вообще решил, что может дерзить? Но в одном мальчишка прав: в здравом уме крысятам отщепенцев никто и никогда не предложит хороших условий.

Чтобы хоть как-то зарабатывать, подростки и молодёжь могут устроиться в Нижнем либо в «Игорный дом», либо в Дом терпимости. И там, и там работка далеко не самая приятная, и целиком и полностью завязана на людских пороках.

Азартные игры и проституция запрещены в Среднем слое и порицаются в Верхнем, но Нижний – это совершенно иной разговор. Любители острых ощущений безо всякого зазрения совести спускаются вниз, где они ни в коей мере не связаны нормами морали. Конечно, если у тебя есть деньги и имя, то для тебя найдётся развлечение везде: Смит знал немало членов Директората, которые и у себя в Верхнем прекрасно проводят время, но основной массе это всё же не по карману. Вот потому-то сластолюбцы да любители поискать снисхождения у Фортуны и текут в катакомбы рекой. Их деньги, соответственно, тоже, а значит работа у местных крыс не переводятся. Другое дело, что хоть вышибалы, хоть юные ночные бабочки – это расходный материал, срок жизни которых весьма короток. Устроиться на работу в Среднем было бы куда надёжнее, вот только кто ж возьмёт туда отщепенца!

Итак, без родителей судьба малявки была почти предрешена, и видимо Кевин об этом догадался. Но где его жажда

жизни, чёрт побери? Почему он в первую очередь заботится не о себе?

- Без сестры я никуда с вами не пойду, - твёрдо заявил мальчишка, ещё и подхватывая малышку на руки. - Либо вы берёте нас обоих, либо никого.

- Эй, парень, - Смит даже вскидывает ладони. - Но как я могу пойти против правил?

- Что же вы, в таком случае, за руководитель такой? - хмыкает Кевин, и у мужчины буквально заходили желваки. Прошаренный засранец!

- Ну тогда и оставайся здесь. Подохните с голоду оба, и будешь жалеть, что упустил возможность нормально пожить.

- Даже если буду, то вам-то какое дело? - невозмутимо отвечает мальчишка. - Я знать не знаю, где этот ваш интернат, поэтому даже приползти туда не смогу, чтобы упрашивать вас забрать меня. Вы ведь на это намекаете?

Честно, если бы Джон не был так зол, то обязательно восхитился в голос. Мальчишка же явно домашний, но даже опытные попрошайки-беспризорники не всегда настолько сообразительны.

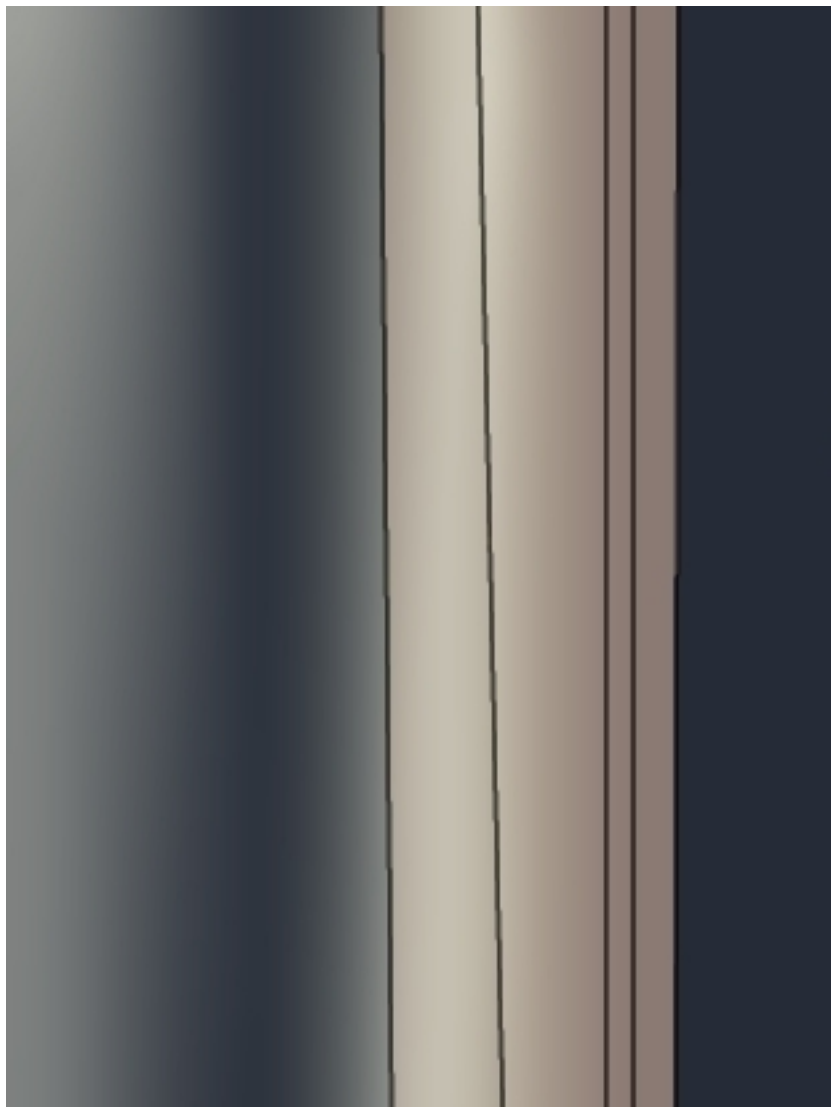
- Думаю, я нужен вам даже больше, чем вы мне.

А если бы не был так восхищён, попросту плюнул и ушёл по своим делам. Но пацан был даже не самородком, а бриллиантом, пока что плохо огранённым. У него были и потенциал, и сообразительность, и сила. И что-то ещё, что требовало более детального рассмотрения. А девчонка... Ладно,

главное – забрать мальчика себе. Дети же имеют свойство болеть и умирать. Ну или выходить за территорию и пропадать там без вести.

- Хорошо, по рукам, - кивает наконец Смит. – Бери свою сестрёнку и топай за мной.

Он протягивает ладонь вперёд, и Кевин, буквально чуть-чуть поколебавшись, стучит по ней в традиционном приветственном жесте.

*Джон Смит, директор "Дома". В кабинете, с чашечкой
виги в руках.*

Глава 5.

«Дом» — это не то, что ты можешь обнаружить сходу. Его как следует спрятали на самом видном месте, потому что ну кто будет заглядывать в почти разрушенные катакомбы? Вот разве что совсем нищие отщепенцы, да те, кому даже их захудалая жизнь не дорога. Однако если знаешь, на какие камни наступать, то путь окажется и не опасным вовсе, а пару километров спустя ты уткнёшься в дом. Нет, не так — в «Дом».

Здание состояло из двух частей, но с торца можно разглядеть только одну. Это был так называемый детский корпус, и именно сюда господин Смит и привёл Кевина, так и продолжавшего держать на руках маленькую Эмилию.

Пожалуй, интернат — наиболее правильное определение для подобного места. А ещё можно было бы назвать его казармами, потому что принимали пищу дети в одном общем помещении, а спали в соседнем, где кровати просто стояли в рядах одна за другой. Но и еда, и место для сна присутствовали, а что ещё нужно для счастья маленьким сироткам?

Детский корпус «Дома» представлял собой учебное заведение, и дети получали образование согласно своей программе и навыкам. Обязательными для посещений являлись базовый уровень грамоты и счёта, а дальше педагоги делали

упор на различные дисциплины в зависимости от способностей ученика. Кто-то углублённо изучал риторику, а кому-то предлагалось решать математические задачи и составлять графики. Сильные и выносливые ребята тренировались в спортивном зале, а меткие — в тирах. Детей, имеющих способности к врачемагии было крайне мало, но здесь их особо и не дёргали — чем меньше возраст, тем сложнее даётся процесс понятия принципов излечения болезней. Зато техников муштровали по полной программе, и господин Кент то и дело проходил между столами, держа в руках металлическую указку да покрикивая на юных бездарей, чтобы не вздумали ломать с трудом подобранные по катакомбам платы. Любому находилось здесь применение, потому что иначе тебе попросту не место в «Доме». Нахлебников не любят нигде, и если так ни в чём не преуспел, то можно вылететь из стен заведения довольно быстро.

Основным контингентом внешней части «Дома» являлись дети возраста от десяти до четырнадцати лет. Согласно официальным данным, перешедших такой рубеж переводили во взрослый корпус, где они оттачивали свои навыки, становясь высококлассными и более узкими специалистами. Но это всё для «малышних» было пока что тайной, а задавать лишние вопросы строго запрещалось. Кормят, и за то скажите спасибо. И маленькие крысята действительно благодарили, стараясь прилежно учиться. Какими бы трудными не были экзамены, какой пресной ни казалась еда, а постель —

жёсткой, но там, в большом мире Нижнего слоя, у них бы не имелось вообще ничего.

Сразу после возвращения Джон Смит передал свою находку первому попавшемуся преподавателю, которым и оказался господин Кент. Он просто перекинулся с ним несколькими фразами и скрылся в направлении своего кабинета, словно потерял к детям всякий интерес.

Высокий тощий мужчина сорока лет окинул брата и сестру строгим, почти брезгливым взглядом и велел идти за собой.

— Не драться, не кричать, ничего не воровать, — выговаривал он, проходя мимо ещё пустой столовой и даже не обращая внимания, поспевает мальчик за ним или нет. — Будете нарушать дисциплину — пинком под зад вылетите из «Дома». Ясно?

— Да, господин, — ответил Кевин, стараясь не показывать свою одышку слишком явно. Мальчик плохо помнил, когда вообще в последний раз ел, а ведь ему ещё и приходилось нести на руках сестру.

— На малявку паёк не положен, будешь кормить из своей тарелки, — продолжил учитель, даже не обратив внимания, что говорит о ребёнке, словно о зверушке. — Но кровать ей скорее всего выделим.

— Спасибо, господин.

Несмотря на то, что семья у них была хотя и бедная, но любящая, общаться с посторонними Кевину также приходи-

лось. Благодарить и не выводить из себя — такие принципы общения со взрослыми мальчик усвоил уже давным-давно.

— Сейчас отправлю вас к госпоже Вазайски, а потом приходите на ужин.

С этими словами господин Кент остановился у одной из дверей, ещё раз окинул парочку взглядом, а после развернулся на каблуках, более не затрудняя себя какими-то условностями. Теперь эти дети — не его проблема.

Кевин наконец опустил Эми на пол, но крепко взял за руку.

— Не бойся, сестрёнка, — проговорил он, стараясь быть ласковым. — Всё будет хорошо. И слышала, нас обещали покормить ужином!

Малышка не ответила, только потёрлась носиком о ладонь брата. Тот же сперва потрепал девочку по волосам, а после шумно выдохнул и осторожно постучал в дверь.

Дождавшись громкого «войдите», он аккуратно нажал на ручку и сделал первый шаг внутрь. На контрасте с тёмными коридорами, отделанными камнями, в помещении оказалось очень светло, а белые стены явно выкрашены недешёвой по меркам катакомб краской.

Всё, что доступно было взору Кевина — небольшой кабинет, внутри которого расположилась у стены кушетка, а рядом с ней стоял небольшой столик со стулом. С другой стороны была приоткрытая дверь, намекавшая, что это помещение в лучшем случае является приёмной, а то и вовсе тамбу-

ром. Однако внимание мальчика привлекло не всё это, а сидевшая за столом женщина. И вот уже она оставалась в тени, освещаемая лишь отблесками от экрана.

Женщина казалась относительно молодой — примерно того же возраста, что и мать Кевина. Упрямо завивающиеся волосы собраны в пучок, а на плечи накинут белый халат, какие обычно носили врачамаги. Лицо казалось строгим, однако стоило ей обернуться и рассмотреть гостей, как на нём моментально появилось неподдельное удивление.

— А это ещё что за фокусы? — спросила женщина, не сводя глаз с маленькой Эми и поднимаясь из-за стола. — Вы откуда здесь вообще взялись?

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Кевин. — Нас привёл в «Дом» господин Смит. Он сказал, что сможем здесь учиться. А сюда отправил... — мальчик задумался, потому что имени их провожатого попросту не знал, а тот не посчитал нужным представиться. — Высокий господин со слегка вытянутым лицом и квадратными очками.

— А меня поставить в известность, что у нас новобранцы, никто, разумеется, и не подумал, — фыркнула женщина, и сделала шаг вперёд. — Но ладно ты, а что здесь делает такой маленький ребёнок?

— Меня зовут Кевин, — запоздало представился гость. — А это Эмилия, моя младшая сестрёнка.

— Сестрёнка? — казалось, удивление женщины можно осязать. — Кровные родственники?!

— Господин Смит разрешил взять её с собой, — Кевин слегка задвинул за себя так и не проронившую ни слова малышку. — Она очень спокойная и хорошая. И моя единственная семья.

Теперь женщина и вовсе нахмурилась. Слово «семья» не слишком-то подходит вообще всему Нижнему слою, а в «Доме» так и вовсе не должно звучать.

Девочка... Да ещё и такая маленькая. В голове так и крутились вопросы, и в первую очередь хотелось бы понять, о

чём вообще думал Смит. Здесь не благотворительное учреждение, и даже если закрыть глаза на присутствие такой крохи, то что она будет делать среди десятилеток?

— Меня зовут госпожа Вазайски, — наконец проговорила хозяйка кабинета, решив оставить размышления на потом. — Вита Вазайски, и я — местный врачемаг. Подозреваю, вас привели ко мне, чтобы провести стандартные процедуры приёма, а значит за ближайший час вас нужно будет отмыть, избавить от паразитов и привести в нормальный вид. Но сперва давайте-ка возьмём у вас кровь на проверку, а то как бы не принесли в «Дом» какой-нибудь заразы.

Женщина вытащила небольшие пробирки и иглу, благодаря которой взяла по несколько капель крови сперва у Кевина, который ожидаемо даже не пикнул, а после и у Эми. Девочка послушно протянула ладонь и пускай немного дёрнулась, но плакать и вырываться не стала. Вита же наконец смогла рассмотреть мордашку маленькой гостьи.

Чумазая, но кожа явно светлая. Глаза огромные, с синим оттенком, и смотрят на мир так наивно, что у Вазайски сжалось сердце. Джон не был похож на мецената и вряд ли позволит малышке оставаться в «Доме». И в принципе будет прав. Вот только куда деть такую кроху? Просто выбросить на улицу, или... Об остальных вариантах даже не хотелось размышлять. Быстрая смерть от голода и холода иногда кажется благословением Черни.

Спустя пару минут, во время которых дети остались сто-

ять и дожидаться результатов анализа, врачамаг удовлетворённо кивнула и вытащила два объёмных тюбика. На волосы каждого из детей она обильно нанесла из него крем — стандартная процедура избавления от паразитов. Притом для длинных локонов Эми пришлось вытаскивать добавку. Потом обоих детей отправили в душ со стерилизатором, откуда оба не выходили до тех пор, пока кожа не стала чистой. Вита отметила, что оба хотя и истощены, но голодают разве что последние несколько дней, и вновь поставила себе заметку заявиться вечером к Смигу.

— До столовой сами доберётесь? — уточнила женщина, смотря как Кевин пытается хоть как-то приладить на маленькой Эми футболку.

Форма у подопечных «Дома» была стандартной и состояла из таких вот футболок с длинным рукавом и штанов, притом не зависела от пола. Но даже самый маленький размер на Эмили висел, словно мешок, а штаны и вовсе пришлось оставить.

— Будет здорово, если подскажете, куда идти.

— Конечно, — Вите опять резануло слух. Дети явно домашние, да ещё и хорошо воспитаны. Мальчик, во всяком случае. Откуда Джон вообще их забрал? — Выходите направо, потом два поворота и спускаетесь вниз на шум. Не ошибётесь, сейчас как раз время приёма пищи. И лучше бы вам обоим поторопиться, потому как порции разбирают моментально.

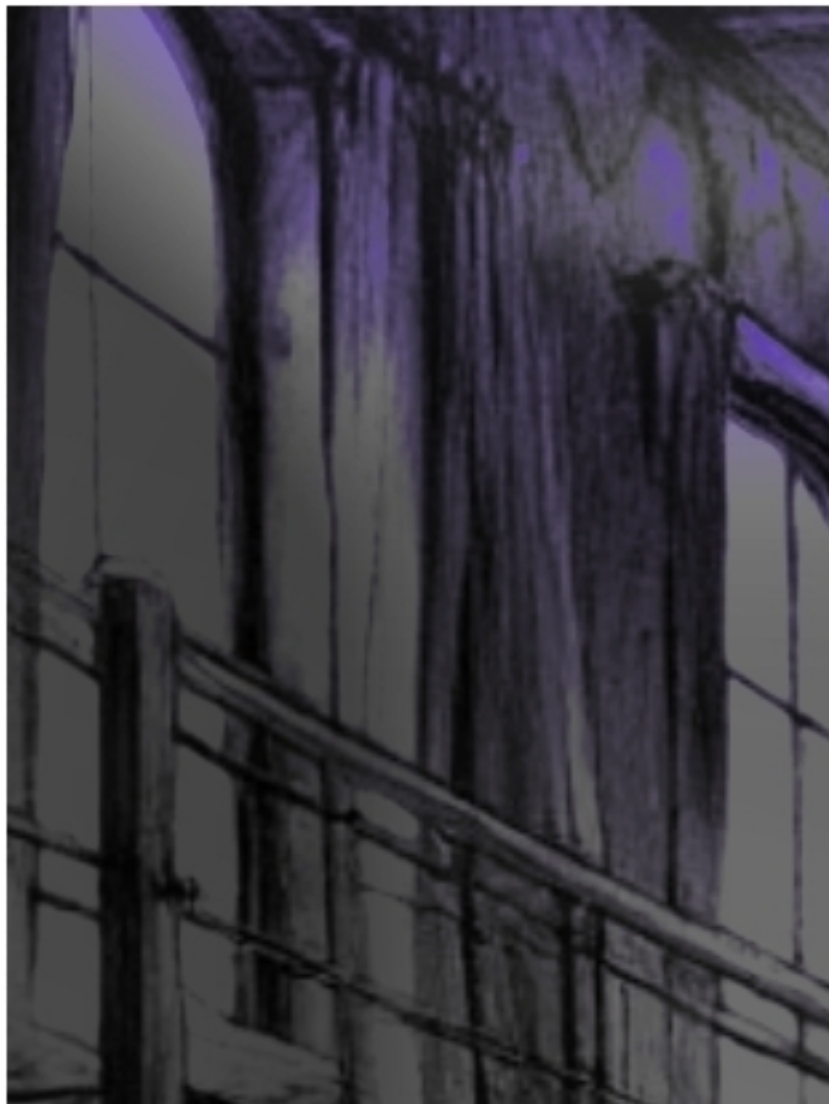
— Спасибо, госпожа Вазайски.

Кевин довольно вежливо кивнул, малявка также пролепетала негромкое «спасибо», и дети отправились в общий зал. Вита же выждала пару минут, а после, закрыв дверь на ключ, пошла в совсем другую сторону. Ей нужно было попасть в преподавательский отсек, и, Чернь его побери, задать директору этого заведения несколько вопросов.

Визуализация "Дома"

Проведём небольшую экскурсию по основным местам "детской" части заведения?

Спальные места. Весьма серо и уныло, зато сухо и относительно тепло.

Часть общей столовой: каменные стены, грубо сделанные столы.

Глава 6.

Кевин получил порядковый номер тысяча семьсот двадцать четыре. За Эми был закреплён следующий, и на её футболке, всё такой же широкой, красовались цифры «один», «семь», «два» и «пять». Как и любой житель Нижнего слоя, дети здесь не имели фамилий. И хотя именами пользовались и они, и преподавательский состав так обращались к ним, но вот такие номера помогали систематизировать подопечных.

За три месяца жизни в стенах «Дома», мальчик успел сделать кое-какие выводы. Во-первых, в «Доме» каждый сам за себя. Ни о какой взаимной поддержке и взаимовыручке речи и быть не может, потому что все друг для друга соперники. Проживало в их крыле примерно сотня детей, однако порядковый номер наводил на определённые мысли. К примеру, что все они так или иначе расходный материал, ведь число на его футболке давно перевалило за тысячу. Получается, остальные куда-то да деваются, раз уж самой организации не так и много лет.

Во-вторых, единственный способ выжить здесь — быть в лидерах. Если кто-то показывает посредственные результаты в учебе или спорте, то довольно быстро пропадает с горизонтов. Кевину повезло, что всё это давалось ему легко и будто само собой, потому что «Дом» — это место, где была

еда и место, чтобы поспать. Притом не только для него, но и для Эмилии. А чем больше времени проводил за учёбой, тем меньше вспоминал о прошлом.

В каком-то смысле Эми повезло больше — она почти не помнила родителей. Для неё теперь мир состоял только из Кевина и «Дома», и даже те несколько дней, когда они беспризорничали с братом, совершенно не отложились в памяти малышки.

Единственное, что рассказывал ей Кен о прошлом — родители их очень любили. Баловали, холили и лелеяли, насколько это вообще было возможно в Нижнем слое. И когда стена начала обваливаться, вытолкнули, пожертвовав собой.

Что было дальше, Кевин вспоминать не любил. Да и зачем это трёхлетней малышке? Но сестра была тем человеком, за которого он держался, не отпуская девочку от себя. Возможно потому, что чувствовал грозящую ей опасность.

Намётанный глаз господина Смита увидел в мальчике потенциал, какого не встречал уже очень давно. Тот был настоящим самородком, заполучить который было вопросом чести. Притом заполучить раньше остальных, и даже удивительно, что мальчишка дожил на свободе аж до десяти лет. Прятали его родители, что ли?

Изначально Кевину пообещали едва ли не золотые горы: кров, еду, возможность получить потом, когда вырастет, работу. Даже звезду бы с Верхнего слоя посулили, но мальчишка волновало только одно — чтобы его младшая сестрёнка

оставалась рядом. И именно это стало настоящей проблемой Смита, а заодно и головной болью.

Вербовщики никогда не трогали тех, кому ещё не исполнилось хотя бы восемь лет. Господин Джон Смит для своего «Дома» подбирал талантливых детей от десяти лет, считая этот возраст самым оптимальным в плане зрелости мозга и развития способностей. Но маленькой Эмили было всего-то три года, и забирать такую кроху в планы мужчины не входило. Кевина упорно уговаривали, что о малышке позаботятся в хорошем приюте. После обещали, что поселят прямо в семью к хорошим людям. Но мальчик несмотря на юный возраст прекрасно знал цену таким обещаниям: в конце концов, недавно он стал главным в их семье. И расставаться с сестрой не пожелал ни в коем случае.

Кажется, это был первый и последний раз, когда господин Смит оказался вынужден пойти на уступки оборванцу с улицы. Эмилия не просто прибыла в «Дом» вместе с братом, но там и осталась. Мальчишка коршуном стоял над сестрой, таская с собой и на занятия, и в столовую, и в общую душевую. Они спали на одной кровати, притом даже дразнилки от других ребят не играли для Кевина никакой роли. Несколько чётких ударов в нос любителям позубоскалить, и разговоры утихли, а после все и вовсе привыкли к тому, что девочка всё время рядом.

Кевин боялся, что Эмилию заберут, и правильно делал. Практически месяц Смит не отпускал идею избавиться от

маленькой нахлебницы, пытаюсь то подкараулить её, то смазать. Не самостоятельно, разумеется, однако всё это делалось с его подачи. Но постепенно к Эми все привыкли. Тихая спокойная девочка не доставляла никаких хлопот, и, кряхтя и поминая недобрым словом свою сентиментальность, мужчина смирился с тем, что за его самородком тенью ходит маленький хвостик.

Кевин показывал исключительные способности не только в спорте и учёбе. Техника его слушалась, математические задачки парень решал на раз-два, да и внутреннее видение чёрных лент постепенно доходило до его сознания. К тому же мальчик освоил нож буквально за две недели, и учителя не раз отмечали, что ещё немного, и вместо лука ему можно будет давать и настоящее оружие.

Директор «Дома» потирал руки в предвкушении, как лет так через десять из Кевина получится прекрасный агент. Даже присутствие маленькой нахлебницы воспринималось легче на фоне предстоящей выгоды, к тому же Смит крепко подозревал, что мальчик так старается как раз ради сестры. Чтобы её даже не вздумали выгонять, цепляясь уже за его заслуги. Малышка, как и предсказала Вита Вазайски, стала настоящим рычагом давления, и директора это полностью устраивало.

День шёл за днём. Воспитанники младшего крыла «Дома» — дети возраста от десяти до четырнадцати лет — исправно посещали занятия одно за другим. Математика, риторика,

основы физической подготовки. Те, кто успел проявить свои паранормальные способности, посещали и индивидуальные занятия. Ну или групповые, если уникальных детей набиралось несколько человек. Кевин, к примеру, посещал занятия по фокусировки лент энергии в технике вместе с ещё тремя мальчишками и аж шестью девочками. Учитель Кент, строгий и вечно сердитый мужчина в возрасте, который их и встретил в самый первый день, был весьма строг и то и дело прикрикивал на учеников, стараясь направлять их энергию правильно. Хотя стоило узнать его получше, и дети понимали, что за строгой маской скрывается достаточно добрая по меркам Нижнего слоя душа, просто мужчина слишком любит порядок.

— Одна неправильная лента, — не уставал повторять он, — одна ошибка в сплетении схемы, и вы сожжёте всё устройство. Концентрация и знания — вот что вам необходимо! Концентрация. И знания.

На его уроках всегда стояла полнейшая тишина. Тихонечко сидела и маленькая Эмилия, подставив свой стульчик к столу брата. Занятия могли идти и час, и два, и иногда девочка попросту засыпала на том же стульчике, сморённая усталостью. Но чаще всё-таки просто сидела, сложив ладошки на коленях, или перебирала что-то в своих крохотных пальчиках.

Порою, сжалившись, господин Кент выдавал Эми клочки бумаги и угольки, и тогда девочка рисовала. Вычленить из

тех рисунков полноценные сюжеты не получалось даже Кевину, но господин Кент их никогда не выбрасывал, бережно складывая в коробку. Притом даже не мог понять, зачем это делает. А иногда Эмилии перепали старые микросхемы из коробки с мусором, и тогда она усаживалась на пол, а стул превращался в место для игры, где за десять или двадцать минут из мусора создавались целые металлические города. Малышка трогала эти осколки, складывала, что-то передвигала. А потом в один из дней собрала идеально работающую микросхему.

Господин Кент, техник

Глава 7.

Впервые в своей жизни господин Кент позволил себе вот так раскрыть дверь в кабинет директора: громко и без стука.

— Это уму непостижимо! — восклицал он, наворачивая круги перед столом Смита. — Девчонка не умеет писать и читать. Да что там, она даже почти не разговаривает! Но при этом собрала работающую схему из обломков, которые не подлежали ремонту. Там половина и вовсе была выжжена до дыр!

Господин Смит осторожно прокрутил в руках непонятную загогулину, которую учитель принёс и почти швырнул ему на стол. Сам он в технике разбирался плохо, но тёмные ленты шли от этой самоделки ровные, гладкие. Такие обычно получаются только у опытных мастеров.

— Не стоит паниковать, господин Кент, — проговорил он, откладывая прибор. — Будем считать, что маленькая хлебница просто начала приносить дивиденды.

И мысленно похвалил себя, что всё же не выбросил малавку из «Дома». Договориться что ли, чтобы на неё готовили отдельную порцию?

— Но как мне её учить? — не успокаивался техник. — Такой талант просто необходимо развивать, но я даже понятия не имею, каким образом. Слишком маленькая...

— Зато талантливая.

— Вы ведь знаете, господин Смит, что я не раз и не два подавал прошения перевести меня исключительно на «взрослое» крыло, — парировал Кент. — Ну не могу я работать с детьми! Не моё это.

— У вас прекрасно получается, — Джон мягко прервал зарождавшуюся истерику. Несмотря на относительно не старых возраст, Кент стал проявлять к ним склонность, и директор «Дома» даже поставил мысленную заметку поговорить на эту тему с госпожой Вазайски. Пара бесед, а может даже и несколько целебных отваров, обязательно решат эту проблему. — А с девочкой просто придерживайтесь той же тактики, что была и раньше.

С того момента Эмилия всё также посещала уроки вместе с братом, но теперь её усаживали не на стульчик сбоку, а за тот же стол. Велено было давать малышке либо лист и угольки, либо что-то из бросовых материалов, которые уже не годны для остальных учеников, и просто наблюдать за результатом.

Перед учителями не ставили задачу научить малышку хоть чему-то, но негласно весь преподавательский состав «Дома» был в курсе, что на неё возлагают практически такие же надежды, как и на Кевина. И маленький уникум, ещё неграмотный, зато мастерски обращающийся с потоками энергии, постепенно начала показывать результаты.

Тот же учитель Кент теперь выделил для девочки целый закуток в лаборатории, где малютка Эми создавала игрушеч-

ные домики. Несколько раз мужчина порывался одёрнуть её: показать, как правильно прилаживать схемы друг к дружке, или что ленты в мысленном взоре должны накладываться одна на другую строго крест-накрест для уменьшения потерь. Но каждый раз себя сдерживал и правильно делал. Эмилия училась методом проб и ошибок, а её домик рос от занятия к занятию, в конце концов перерастая в мощный источник энергии, который было велено отнести в столовую и подключить к печи.

Об успехах малышки не оглашалось широкому кругу лиц, и потому другие дети были уверены, что противная малявка получает в столовой конфеты исключительно благодаря покладистому характеру и невинным глазкам, которыми она всегда смотрела на взрослых. А повар так и вовсе дважды выходил погладить её по голове в силу какой-то странной для отщепенцев сентиментальности.

Пожалуй единственное, что не менялось — отношение к Эмилии брата. Он так же, как и раньше, продолжал коршун-ном стоять над девочкой и всюду брал с собой. Казалось, ему попросту не интересно с компанией сверстников, а любой ватаге или играм предпочёл бы просто посидеть в библиотеке, и чтобы Эми обязательно находилась рядом. Сперва кто-то ещё пытался подружиться с талантливым новеньким, но быстро оставили эту затею. Уже через три месяца ни ребят, ни преподавателей не удивляло, что у подопечного номер тысяча семьсот двадцать четыре есть маленький длинноволо-

сый хвостик, для которой велики стандартные штаны. Впрочем, спустя некоторое время госпожа Вазайски вызвала брата и сестру к себе и передала малютке Эми новую форму, сшитую специально под неё.

— Всё равно вечерами нечего делать, когда присматриваю за пациентами, — пожала она плечами на невысказанный вопрос мальчика. — На год ей этого хватит, а если всё-таки начнёт питаться нормально, то хотя бы на полгода. Потом ещё что-нибудь придумаем.

— Огромное вам спасибо, госпожа Вазайски, — Кевин слегка поклонился, искренне благодаря врачамага. — Вы нас уже не первый раз выручаете.

— Спасибо, — эхом поблагодарила маленькая Эми. И, проведя пальчиками по штанинам, добавила еле слышно: — Тепло...

Вита незаметно прикусила щёку изнутри, смотря на этот жест. Чистенькая, умытая и хотя бы относительно по меркам Нижнего слоя сытая девочка казалась ей самым очаровательным созданием, что вообще есть в стенах «Дома». Где-нибудь в Верхнем такую обязательно бы баловали, наряжали в платица, а из длиннющих волос сооружали красивейшие причёски. Вазайски и сама не отказалась бы заплести малышке хотя бы простую косичку, но почему-то совершенно по-детски стеснялась её брата. Хотя, казалось бы, кто из них двоих здесь взрослый!

— Давай-ка, Кевин, я научу тебя заплетать ей волосы, —

всё-таки не сдержалась женщина. — Ты всегда просто пере-
вязываешь их тряпицей, но они того и гляди запутаются, и
тогда придётся только выстригать.

— Ой, стричь не надо! — мальчишка так забавно испугался перспективы оболванивания своей сестрёнки, что Вите пришлось прикусывать щёку ещё раз. Но сейчас чтобы не рассмеяться. — Мама всегда что-то плела Эми, но я никогда не присматривался. А сам не понимаю, куда и что совать.

«Мужчины в любом возрасте мужчины», — хмыкнула про себя врачемаг, и забрала из ящика стола деревянный гребешок — старинный подарок от не менее старинного друга. В катакомбах такого днём с огнём не сыщешь, но в Верхнем можно найти любую диковинку.

— Давай, садись на стульчик, — указала она Эми. — А ты становись за моё плечо, будешь учиться. Заодно разовьёшь себе зрительную память и мелкую моторику.

На это Кевин только очень серьёзно кивнул, действительно пристраиваясь позади женщины. Его присутствие совершенно не мешало Вите, не создавало дискомфорта, и уже через пару минут она и вовсе позабыла о том, что позади ей разве что в ухо не сопит чуть долговязый мальчишка. Всё внимание врачемага было привлечено к волосам маленькой Эмили, которая так терпеливо сидела на стульчике и даже не пикнула, пока Вазайски прядь за прядью распутывала её локоны.

Если отбросить условности, то можно даже помечтать,

что вот так вот заплетаешь косу уже своей дочери. Взять и забыть, что размножаться и любить — привилегия простых крыс, но если у тебя появляется работа, или, того хуже, власть, то прекращаешь принадлежать самому себе. Любой твой шаг становится регламентированным, любой вздох теперь под контролем Директората. А уж эмоции и вовсе становятся непозволительной роскошью.

— Ну всё, готово, — проговорила Вита, выныривая из тяжёлых мыслей. — Ну как, нравится?

— Ого, да ты у меня настоящая красавица! — тут же похвалил сестрёнку Кевин, но женщина опять смотрела не на него.

Эми аккуратно слезла со стульчика и подошла к шкафу с зеркальной поверхностью. А после пальчиками прошлась по длинной перекинутой через плечо косе.

— Красавица... — и снова слова, сказанные эхом. Порой они пугали Виту, но она каждый раз одёргивала себя и напоминала, что девочка ещё слишком мала.

— А хочешь, мыотрежем тебе чёлку?

Чёлка была у самой Вазайски, и очень может быть, подошла бы и Эмили. Но дело сейчас было не в причёске. Ей просто необходимо было здесь и сейчас понять, не страдает ли малышка эхолоалией, которая сама уже является предвестником других, куда как более тяжёлых болезней.

Но глазки девочки вдруг вспыхивают, и вместо ожидаемого «чёлка» она немного робко улыбается и произносит:

— Хочу. Я буду такая же красивая, как госпожа Вазайски?

— И даже лучше, детка.

Ножницы в кабинете у врачамага обнаруживаются моментально, и меньше чем через минуту Эми и вправду красуется с почти что ровно отстриженными на лбу волосами. Касается локонов пальчиками, вертится перед шкафом и этим вызывает открытую улыбку брата.

Вита Вазайски выпроваживает малышню ещё минут через десять, тайком вручая Кевину пару конфет. Скорее всего, обе и будут скормлены Эми, но женщина ничего не имела против. А ей самой не мешает просто посидеть и элементарно перевести дух.

Девочка, обладающая техническими талантами — желанный гость в стенах «Дома». Но вот душевный недуг был бы в состоянии перечеркнуть любые способности, и так или иначе, её бы отсюда вышвырнули. Но Вита была искренне рада, что всё в порядке. Ей не придётся метаться в душевных терзаниях и вставать перед выбором, скрыть болезнь Эми, навешав на себя гнев начальства, зато позволив малышке пожить в комфортных условиях ещё немного, или открыть правду сразу. Эми — обычная, просто очень стеснительная девочка, которая может вырасти в здорового человека.

Всё хорошо.

Её душа спокойна.

Глава 8

— И последнее, но, пожалуй, самое важное, — голос господина Коннора, тренера «Дома», словно гром разносился по спортивному залу. — Победитель получит право поучаствовать в операции и приобретёт бесценный опыт, таким образом становясь оперативником уже сейчас. А лично от нас с нашим уважаемым директором господином Смитом мы добавили дополнительный паёк на ближайшие пару месяцев. Расширенного типа!

После упоминания о дополнительной еде воспитанники восторженно взвыли, притом куда как натуральнее, чем пока рассказывали о премиях и почёте. Но Джон только хмыкнул в кулак. Дети! Они честнее, чем взрослые, и сразу показывают, чего хотят.

Сам директор сидел сейчас на самой верхней лавке, рядом с местом комментатора. Господин Коннор также должен будет присоединиться к руководству, но несколько позже. Впрочем, особо в его комментариях Смит и не нуждался, ведь так или иначе знал каждого, кто проживал в «Доме»: потенциал, способности, примерный срок, который ребёнок вообще пробудет в стенах интерната.

Такие как сейчас соревнования, проводимые четыре раза в год, в первую очередь помогали отсеять неуспевающих. Конкретно это должно убрать физически слабых и неполно-

ценных детей, обеспечение которых скоро станет для организации затратно. В конце концов, «Дом» никогда и не был благотворительной конторой, а новых воспитанников легко набрать, просто пройдясь по улицам рядом с местами обитания беспризорников.

Взгляд буквально на мгновение дольше положенного задержался на скамейке первого ряда. Саму малявку было плохо видно за спинами более рослой ребятни, но Смит прекрасно знал, что младшая сестра Кевина станет сидеть именно там. Уникальная девчонка, которая буквально из мусора во время игры создаёт настоящие технические шедевры. Маленькая нахлебница, которая успела отработать и своё содержание, и пропитание брата уже по несколько раз. А ведь скажи Джону кто-нибудь год назад, когда он впервые увидел замарашку, сидящую на металлической бочке, что будет рад её здесь местонахождению, рассмеялся как никогда в своей жизни! Нет, в тот момент единственным, кого он видел, был Кевин. Мальчишка с выдающимися способностями, который далеко пойдёт. Впрочем, вполне возможно, что потенциал Эмилиии тогда ещё не полностью раскрылся. Да и сейчас девчонка не то, чтобы блистает. Во всяком случае, ни одно из своих творений повторить она пока что не смогла.

Погружённый в эти мысли, Смит начисто пропустил, когда ребята начали первое соревнование — забег. После обычной стометровки они брались за штанги, потом шли прыжки, скакалка на выносливость, а под финал и после

краткой паузы — ещё один забег, только уже на пять километров. Сегодня ребят ожидала проверка исключительно физических способностей, оставив за бортом меткость и умение управляться с оружием, а всё потому, что предстоящая для победителя работёнка не требовала ни присутствия ножа, ни мастерства обращения с пистолетом.

— Ну как вам, господин Смит? — поинтересовался Коннор, подсаживаясь рядом.

Мужчина был довольно крепкий, и руки его перевязывали ленты мышц. Сила и выносливость Коннора были на высоте, а самое главное — тренер умел раскрывать таланты. Мягко и плавно, а некоторых и при помощи подзатыльника, он направлял в необходимое русло. Так или иначе, но полностью отстающих по физическим параметрам в «Доме» просто не было.

— Надо смотреть, — пожал плечами директор. — А ты сам что скажешь? Назови мне хотя бы пятёрку лидеров.

Преподаватель принялся перечислять, действительно из шести с половиной десятков ребятешек назвав пять имён тех, кого особо выделял. На трёх из них делал ставку и сам Смит, и с удовлетворением отметил, что их с учителем мнения совпали.

Состязания проходили одно за другим, и уже на «прыжках» лицо Коннора приобрело задумчивое выражение. А стоило ребятам перейти к скакалкам, как он и вовсе выругался себе под нос.

— Что, господин Коннор? — едва заметно усмехнулся Смит. — Тоже заметили кое-что интересное?

— Мелкий засранец...

Он даже не сомневался, что этот мальчишка, Кевин, далеко пойдёт. Сильный, ловкий, умелый. Но самое главное — осторожный. Джон очень внимательно следил за своим негласным любимчиком, и уже на первом состязании успел заметить, как тот мухлюет. В самый последний момент делает ошибку, и по итогам занимает второе или третье место. Ведь он уже давно усвоил правила игры: нельзя показывать плохие или посредственные результаты. Но и становиться победителем сейчас, когда ставка в игре не ясна, он явно не хочет.

Действительно, засранец. Мелкий и прозорливый засранец, которого не проймёшь даже дополнительной порцией вкусной еды, которой он бы смог поделиться с сестрёнкой. Может всё дело в том, что Вита в край разбаловала подачками этих оболтусов?

Ещё примерно полчаса ушло на то, чтобы завершить пятикилометровый забег и отправить членов жюри посовещаться. Правда в особо долгих совещаниях не было необходимости, ведь победитель предопределён с самого начала.

— Поздравляем тебя, Освальд! — прогрохотал учитель Коннор, обмениваясь постукиванием ладонями с вихрастым мальчишкой. — Твоя победа была достойной и триумфальной. А про детали предстоящего дела с тобою завтра пого-

ворит сам господин Смит, — разворот в сторону директора, который как раз поднялся на ноги и улыбался детям почти что добродушной улыбкой. — Но всё это, разумеется, после торжественного ужина победителя!

Малышня заулюлюкала, выкрикивая поздравления с таким восторгом, словно угощать тут обещали всех. Вполне возможно они надеялись, что получивший поздравления Освальд обязательно поделится хотя бы небольшими порциями, но особо на победителя рассчитывать не приходилось. Тот важно выпятил грудь и с превосходством бросил взгляд на своего извечного соперника, который прямо сейчас устроился на лавке рядом с мелкой сестрой. Кевин ответил ему едва заметной улыбкой, и радость превосходства на чуть-чуть, но скисла. В конце концов, Освальд и сам заметил, что по крайней мере в двух состязаниях этот зазнайка попросту ему поддался.

Смит также заметил эту игру в гляделки, и она даже слегка развеселила директора. Он отошёл от своего места и сразу же направился к Коннору, пока тот не наворотил делов.

— Насчёт Кевина, — проговорил он, беря подчинённого за локоть.

— Я обязательно как следует поговорю с этим мальчишкой! — брови мужчины сошлись на переносице. — Может быть даже выбью из него всю эту дурь.

— Ни в коем случае! — а вот на это Джон покачал головой. — Пусть и дальше считает, что смог обвести нас всех

вокруг пальца. Оставьте мальчонку в покое, и пусть всё идёт своим чередом. А этот Освальд... Завтра доставьте его в мой кабинет часиков так в десять.

— Так точно, господин.

Коннор вытянулся в струнку, показывая собственное военное прошлое, и развернулся в сторону. Смит же проводил его лёгкой, едва заметной улыбкой.

Он очень любил бывших вояк. Чёткие, исполнительные, и совершенно не обременены интеллектом сверх необходимой меры. То, что и нужно для идеального подчинённого. Но в качестве своей правой руки он предпочёл бы видеть того, кто умеет ещё и думать. А также делать выводы.

Взгляд мужчины снова притянулся к скамейкам первого ряда. Эми что-то рассказывала брату, а тот лишь улыбался мягкой улыбкой и поглаживал её по волосам. Интересная и сложная косичка у девчонки, кстати... Неужели опять Вита постаралась?

Глава 9.

С момента состязаний и до того самого секретного задания прошла примерно неделя. Всё это время Освальд ходил, напустив на себя весьма загадочный вид, и этим успел надоесть не только остальным ребятам, но даже преподавателям. Особенно сильно его внимания доставалось Кевину, который уступил победителю на какие-то доли баллов.

— Не переживай так, любитель маленьких девочек, — почти что по-отечески похлопывал его Освальд по плечу. — Когда-нибудь и тебе повезёт. Или может, наоборот, теперь твоя сестрёнка будет любить меня сильнее, чем своего брата-неудачника?

Кевин на такие выпады не реагировал, а Эми пускай и не понимала смысла слов задиры, традиционно пряталась позади брата.

— Освальд — плохой? — всё-таки спросила она как-то, дождавшись пока их визави скроется из виду.

— Нет, — качал на это головой Кевин. — Он действительно очень быстрый и ловкий.

— Но плохой?

Пока что Эми было сложно оперировать подобными понятиями, но брата это только умиляло.

— Просто немного задиристый, — Кен по привычке погладил сестрёнку по голове. — К тому же я сам отдал ему

роль первопроходца.

Малышка очень забавно попыталась шёпотом повторить незнакомое слово, но только нахмурила бровки. Кажется, понятней после разъяснений брата ей не стало.

— Не бери в голову, Эми. Хочешь, сходим после уроков к госпоже Вазайски?

— Хочу!

А потом Освальд ожидаемо пропал. Все знали, что мальчишка отправился на некое таинственное задание, но ни с чем оно связано, ни сколько продлится, никто в курсе не был. Некоторые из мальчишек, и даже парочка девчонок вспоминали нового героя с завистью, но были и такие, кто только вздохнул с облегчением. Мол, чем дольше пробудет вне стен «Дома», тем меньше ерунды успеет наболтать.

На третий день отлучки победителя соревнований Кевина вызвали в кабинет директора. Тот вошёл после стука и стойко выдержал сердитый взгляд — позади мальчишки стояла Эми.

— И когда ты перестанешь всюду таскать её за собой? — пробурчал господин Смит, с которого едва не сбили весь настрой. — Она что, не может посидеть хотя бы полчаса сама в комнате?

— Вы что-то хотели от меня, господин Смит?

Джон фыркнул. Мелкий засранец! Вроде и вежливо говорит, и смотрит, не задирая подбородок, но всё равно не покидало ощущение, будто считает себя умнее всех.

— Не жалеешь, что упустил возможность стать оперативником пораньше? — поинтересовался директор, даже не подумав посадить детей.

— Господин, но как бы я смог? Освальд показал результаты намного выше моих.

— Вот только не морочь мне голову! — теперь мужчина усмехнулся, отметив почти подобострастный тон и сильно смахивающее на натуральное удивление. — Ни от меня, ни от господина Коннора, ни даже от самого Освальда не ускользнуло, что ты поддавался. Одно только твоё слово, и мы бы отправили вместо него тебя.

Кевин ожидаемо промолчал. Маленькая Эми вцепилась пальчиками в его штанину.

— И какова же была причина твоего такого позорного проигрыша? — Смит решил зайти с другой стороны. — Ты что, пообещал ему что-то заранее?

— Никак нет, господин! — ответил Кевин, почти что вытянувшись по струнке. — Просто стечение обстоятельств.

Джон еле заметно вздохнул: поиграли и хватит.

— Эй, номер тысяча семьсот двадцать четыре. Я уже сказал, перестань морочить мне голову. Назови нормальную причину, иначе я вышвырну тебя из «Дома» вместе с твоей девчонкой. И радуйся, если отправим вас в одно и то же место.

И тут же с удовлетворением отметил, как по лицу зарвавшегося мальчишки пробежала волна беспокойства.

— Простите, — проговорил он уже негромко. — Просто мне не хотелось оставлять Эми одну. Она ещё слишком маленькая, а это не последний шанс проявить себя как ценный сотрудник.

— И больше ничего? — вкрадчиво спросил директор, глядя Кевину прямо в глаза. Пытаясь продавить своей аурой.

Мальчишка не отвёл взгляд, но промолчал.

— Ладно, — наконец сдался Смит. — Проваливайте оба. Но твоё поведение сходит тебе с рук в первый и последний раз.

А ещё три дня спустя в госпиталь «Дома» привезли Освальда. Навещать его остальным воспитанникам запретили, но так как Эми и Кевин были частыми гостями у госпожи Вазайски, сумели вызнать немного больше других.

— Он поправится? — спросил Кевин, грея в руках чашку с витой.

Сейчас врачемаг занималась причёской Эмили, и все трое уже давно знали, что малышка для женщины стала кем-то навроде куколки. Чтобы было на кого изливать нерастраченную нежность из-за так и не состоявшегося материнства.

— Так или иначе, наверняка, — Вита пожала плечами, продолжая пропускать чёрные локоны через свои пальцы. Сегодня у Эми будет причёска на манер пучков-бантиков, и девочке наверняка пойдёт.

— И будет таким, как раньше? — теперь подаёт голос уже

сама Эмилия, которая очень любила, когда вот так касались её волос. — Кевин сказал, что Освальд ловкий и смелый. И что задиристый пре... — носик малышки сморщился, пока пыталась припомнить необычное слово. — Превапраходец.

Кевин прыснул со смеху, но под взглядом Вазайски тут же стал серьёзным.

— Таким, как раньше, уже вряд ли, детка. Слишком много ранений. Я даже не уверена, что моих сил хватит, чтобы кости срослись как надо.

На этом тему и свернули — госпожа врачемаг вряд ли смогла бы сказать больше, а детям не полагалось знать даже этого. Постепенно шумиха вокруг Освальда и вовсе улеглась, а позже кто-то пустил слухок, что его перевели в другой госпиталь, дабы долечиться, а потом отправиться на очередное задание.

— Братик, — как-то уже перед сном спросила у Кевина Эми. Шёпотом, чтобы не побеспокоить остальных, а заодно не назвать на себя гнев надзирателей. — Как думаешь, Освальда и правда отправили в другой госпиталь?

— Раз все говорят об этом, наверняка так и есть. А теперь закрывай глазки и спи.

Эмилия уткнулась носиком в плечо брата и действительно засопела через несколько минут. Но вот самому Кевину не спалось. Разумеется, он размышлял и о задиристом, но всё же неплохом мальчишке, и о таинственных и таких опасных заданиях. А ещё о том, что ему так и не хватило ду-

ху признаться сестрёнке о своих настоящих мыслях. К примеру, что Освальда попросту списали, словно отработанный материал.

Глава 10.

— Куда переставить стеллаж?

Вита вздрогнула, подняв взгляд. Вот вроде бы у Кевина уже месяц как перестал ломаться голос, а она всё никак не могла привыкнуть к этому его густому баритону. И к тому, что мальчишка теперь выше её на голову, тоже.

— Вот в тот угол, будь добр.

Она пальцем указала в нужном направлении, и тут же отвернулась. Только вчера у них со Смитом был разговор как раз о Кевине, и врачемаг так и не смогла окончательно определиться в своём мнении.

Предельный возраст, до которого воспитанники могли обитать в стенах «Дома» — двадцать семь лет. С десяти до четырнадцати лет мальчишки и девчонки изучали общую программу и физическую подготовку, а после переходили в так называемое «взрослое» крыло. Там их специализация становилась более узкой, а вместе с учёбой приходилось ещё и выполнять заказы.

Разумеется, далеко не каждый из тех, кто когда-то попал в «детское» крыло, в итоге задержится в «Доме» до предельного возраста. Не факт, что даже перейдёт на «взрослую» половину, ведь отсев и конкуренция достаточно высоки, позволяя задержаться в лучшем случае одному из семи, а то и из десяти ребят. Зато те, кто переходит, превращаются в элиту

из элит.

Руководство и преподавательский состав даже не сомневалось в статусе Кевина. Их номер тысяча семьсот двадцать четыре неизменно показывал лучший, ну или почти лучший результат — в зависимости от того, что требовали обстоятельства. Но в прошлом месяце этому «лучшему из лучших» исполнилось четырнадцать, и снова у них с руководством нашла коса на камень. Притом камень преткновения был ровно такой же, что и четыре года назад, когда Кевин и Эмилия только появились на пороге «Дома».

Малютка Эми основательно подросла. Часть педагогов бы не покривило душой, утверждая, что на уроках она догнала остальных, а в той же технике давно перемахнула знания четырнадцатилетних лбов. Вот разве что господин Коннор не смог бы похвалить малышку, но все продолжали делать поблажку на её возраст и физические данные. Итак, Эми подросла. Но всё равно оставалась мала даже по меркам «детского» крыла. О том, чтобы отправить на «взрослую» половину семилетнюю девочку не может идти и речи. А без неё, чтоб его поглотила Чернь, отказывается уходить Кевин.

«- Отвратительный мальчишка! — ругался накануне Смит, меряя собственный кабинет шагами. — Выгоню его, как крысу, и пускай выживает, как умеет.»

Вита на это ничего не говорила, лишь продолжая пить отменного качества вигу, которую Джонатан как раз привёз из Верхнего слоя. Такие угрозы звучали в адрес Кевина хо-

тя бы раз в месяц, однако мальчик продолжал проживать в «Доме», не покидая место фаворита.

— А эту его мелочь возьму, да и оставлю себе, — мстительно добавил мужчина, теперь останавливаясь у высокого комода. — Пусть продолжает служить на благо общего дела.

Поверхность предмета мебели была заставлена памятными мелочами. Правда всё то, что на первый взгляд казалось сентиментальным хламом, на деле было своеобразными ключами к каким-либо локациям. Но эта информация не оглашалась даже Вите.

— Так этот мальчишка взял и оставил тебе сестру, — фыркнула та, делая следующий глоток. — Скорее уж он разнесёт всё здание, чем уйдёт в одиночку.

— Вот именно! — Джон снова обернулся. — Такой потенциал, но при этом вместо нужного русла направлен на защиту одной-единственной малявки.

— Которую ты также бережёшь, словно зеницу ока, — напомнила врачемаг. — Потому что техника лучше и талантливее попросту не вырастишь.

— Ты, кстати, говорила, что хочешь провести для неё ещё одно тестирование.

— Говорила, — соглашается женщина. — Но пока что результат можно интерпретировать двояко. У Эми абсолютно точно есть способность к врачеванию, но вот пределов я нащупать не могу.

— А значит в равной степени из неё может получиться как идеальный врачемаг, за которого в Верхнем убить будут готовы, так и самый рядовой целитель, которых словно крысы в катакомбах, — закончил за неё директор. — Собственно, мы среди них и находимся.

— Ну-ну, не ворчи.»

— Готово.

Вита опять вздрогнула, второй раз за последнюю минуту. И сама удивилась, как глубоко погрузилась в воспоминания.

— Угу, молодец. Эми, что там с колбами?

— Почти всё протёрла, — малышка отозвалась из соседнего помещения. Она, как и брат, была отправлены в помощь врачемагу чтобы провести генеральную уборку. Вернее, вызвались эти двое по своей инициативе, потому что лучше один день физически поработать, зато избежать скучнейшей лекции от господина Брендона.

— Вот и молодец. А теперь будь добра, отнеси их в подсобку.

— Я помогу, — тут же вскинулся Кевин, привычно делая шаг в сторону сестры. — Коробка тяжёлая.

Но больше этого одного шага ему ступить не удалось, потому что перед ним буквально выросла госпожа Вазайски.

— Нет, не тяжёлая, — отрезала она. — И идти Эмилии всего-то через три комнаты. А нам с тобою нужно поговорить.

Глава 11.

Вита прекрасно видела, как заметался взгляд парня — продолжать называть его мальчиком уже не поворачивался язык. Но и послушаться женщину он попросту не мог.

Эмилия же словно само собой разумеющееся подхватила действительно лёгкую коробку и ушла в нужном направлении.

— Есть разговор, Кевин, — Вазайски привлекла к себе внимание парнишки. — И он довольно серьёзный.

— Может чуть позже, когда помогу Эмили? — осторожно предложил тот. — Я быстро, вы даже глазом моргнуть...

— Стоять!

Теперь врачемаг заговорила ещё строже, а заодно вцепилась пальцами в рукав Кевина.

— Если хочешь переселиться в основное крыло вместе с сестрой, то не дёргайся, а слушай меня очень внимательно.

По лицу парня пробежала тень сомнения, но, бросив быстрый взгляд в сторону двери, он всё же осторожно кивнул.

Госпожа Вазайски же шумно выдохнула и посмотрела в глаза Кену тем своим коронным строгим взглядом, которым чаще всего одаривала пациентов. Стоит ли упоминать, что с дисциплиной проблем не случалось никогда?

— Ты ведь понимаешь, что это ненормально? — и тут же

взмахнула рукой, требуя сохранять тишину. — Кевин, у тебя за четыре года в «Доме» так не появилось хотя бы относительно близких друзей, а Эми так и вовсе ни с кем кроме тебя не общается. А всё почему?

— Но мы ведь семья, — пожимает плечами парень. — Разве не само собой разумеющееся, что Эмилия будет у меня в приоритете?

— Нет, мальчик, нет, — теперь врачемаг и вовсе поджигает губы. — То, что происходит у вас — это патология. И закрывают на неё глаза пока что исключительно из-за того, что вы оба слишком ценны как для самой организации, так и конкретно для директора. Но ещё чуть-чуть, и вы дойдёте до точки накала.

— Эмилия — моя единственная семья, — упрямо повторил Кен, теперь смотря себе под ноги. Вита понимала, что мальчишка всё осознаёт не хуже неё, но сделать с собой ничего не может. Потому что это уже давно вышло за рамки привязанности. — Что плохого в том, что я забочусь о ней?

— Плохо то, что ты с этой заботой начисто забываешь, что она — тоже человек. А ты сейчас душишь её опекой, не позволяя морально расти. Она спит рядом с тобой, ест рядом с тобой, ходит на занятия, словно твоя тень. Кен, у тебя комплекс младшей сестры, — теперь уже Вазайски заговорила тише. Мягче, пытаюсь достучаться по-хорошему. — Это плохо, но это лечится. Просто позволь помочь вам обоим.

— Всё, я готова, — помещение тут же наполнилось мяг-

ким голоском Эмили, которая фактически сияла от удовольствия, раз уж получилось помочь своей любимой наставнице.

— Умница, детка, — кивнула Вита. — Только я забыла про ещё две колбы в шкафу. Добавишь к остальным?

Малышка кивнула, и тут же бросилась выполнять указание.

Исполнительная.

Слишком покладистая.

И это было плохо, очень плохо.

— Она ещё очень мала, чтобы я мог её оставить, — теперь, когда они снова остались одни, Кевин и вовсе говорил еле слышно. — Возможно чуть позже, когда она сама...

— Сама она никогда не оттолкнёт тебя, потому что ваша болезнь — не односторонняя, — отрезала Вазайски. — И Эми слишком послушная, чтобы сказать тебе «нет». Притом она не откажет и кому-то другому, стоит тебе скрыться из поля зрения.

— Вот видите!

— Кен! Вам обоим нужно расти, иначе со временем это доставит проблемы не только вам, но и всем нам тоже. И директор Смит готов пойти на уступки.

— То есть, он всё-таки переселит нас вместе?

— Не торопись, — женщине было тяжело отказывать, особенно после того, как у мальчишки так зажглись глаза. — Сперва тебе придётся пройти испытание «в полях» и успеш-

но выполнить операцию. Докажи, — она понизила голос. — Докажи, что ты достоин и справишься. Твой успех и начало лечения будут гарантом того, что твою просьбу удовлетворят.

Теперь в кабинете воцарилось молчание, но нарушать его не было в чьих-то интересах. Всё, что необходимо, уже прозвучало, и теперь выбор только за Кеном.

— Справилась, — опять просияла Эмилия, входя в комнату, и Вита слегка прикусила губу.

У девочки тоже зависимость, притом не только от брата, но и от похвалы. Такое можно использовать себе на пользу, но для самой Эми станет ещё одним фактором, тормозящим развитие. Вот только как перестать хвалить малютку, глядя в её чистые глаза, решительно не понимала.

— Ты — молодец. Вот видишь, Кевин? Она справилась и сама.

— Братик, а почему ты такой задумчивый?

Девочка подошла вплотную, заглядывая снизу вверх, и Кену стоило немалых усилий остаться просто спокойно стоять рядом.

— Нужно будет заглянуть к господину Смиту. Кажется, у него есть для меня какое-то задание вне стен «Дома».

— Ого! — и снова глазки малышки засияли. — Ты наконец-то станешь оперативником? Да это же здорово!

— Уверена, что справишься без меня? Не будешь бояться? А если...

— Она обязательно справится, — отрезала врачемаг, обрывая парня на полуслове. Иначе он и вовсе никогда не решится, или так накрутит Эми, что уже она не сможет его отпустить. — Если что, я присмотрю за ней. А ты иди, пока не растерял запал, — женщина кивнула в сторону двери. — Мы тут как раз закончим с уборкой, пока всё обсудишь с директором Смитом.

Кевин перевёл взгляд с Вазайски на сестрёнку, но та только спокойно улыбалась ему той мягкой улыбкой, без которой он будто бы и не дышал даже. Хотел что-то сказать, или хотя бы привычно потрепать Эмилию по макушке, но вместо этого просто кивнул. А после развернулся и действительно вышел из медицинского кабинета.

Глава 12

Первое, на что обратил внимание Кевин — небо. Оно... было. Просто было, в отличие от катакомб, где наверху тебя ждал только каменный потолок, а весь источник света — лампы, которые днём изредка подавали ещё и ультрафиолет, дабы крысы Нижнего не загнулись окончательно. Но здесь, в Среднем, всё оказалось по-другому.

Конечно же по факту жители этого уровня также видели небесную гладь не в полном объёме. Сквозь купол оно казалось серым, и часть света попросту рассеивалась, не достигая брусчатки Среднего. Вполне возможно именно поэтому тут не было растений, как на Верхнем, и народ даже в глаза не видел деревья. Всё, что необходимо было производить для еды, выращивалось в теплицах или и вовсе производилось на фабриках. Привычные же для небожителей цветы и стебельки попросту не в состоянии были пробиться, сколь ни была бы велика в них тяга к жизни.

Кевин, подумав об этом, хмыкнул. Сам он деревья и цветы, произрастающие свободно на земле, также не видел. Зато чего у Нижнего было не отнять, так это всяких мхов и лишайников. Словно в насмешку, там, в самом низу, безо всяких усилий появлялись и люди, и растения. Да, весьма своеобразные. Да, во многом они были ущербны — взять хотя бы эту способность видеть чёрные ленты, ну или чувствовать

боль земли, к которой привыкаешь уже в детстве. Но всё равно, жили вопреки всему.

Цель парня — отдалённая мануфактура. Довольно дряхлое оборудование и из рук вон отвратительная охрана территории делали её лёгкой добычей, и как раз поэтому директор не посчитал нужным отправлять сюда толкового оперативника. Вернее, именно об этом сообщил Джон Смит, когда Кевин пришёл к нему в кабинет три дня назад и сообщил, что готов выполнить любые его условия. Но Кена было не провести, и эта вылазка — полноценная проверка. Сможет ли сориентироваться в Среднем? Справится ли пускай и с пустяковым, но всё же первым, да ещё и самостоятельным делом? И самое главное, доверится ли «Дому», оставив в его стенах самое ценное — свою младшую сестру...

Умом Кевин прекрасно понимал, что вредить Эми никто и не собирается. Девочка давно стала слишком ценна уже сама по себе, и он даже не сомневался, что сестрёнку ждёт довольно спокойное и сытое будущее. Но расстаться с ней хотя бы ненадолго было равносильно тому, чтобы опять погрузить себя в тот страх, что и несколько лет назад. Всепоглощающий, почти что первобытный, когда на твоих глазах рушатся стены, погребая под собой самый дорогих тебе людей. Потерять последний оплот той жизни стало бы для Кевина равносильно самоубийству. Для окружающих, возможно, он и был заботливым старшим братом, который вызволил сестру и заботился о ней, но на самом деле всё оказалось со-

всем наоборот. Это Эмилия заставила его в тот день встряхнуться. Ради неё он сделал первый шаг в сторону, и шёл всё дальше и дальше, не позволяя окончательно потерять себя. И если чтобы сохранить этот островок спокойствия ему потребуется провести какую-либо вылазку хоть в Средний, да хоть в Верхний слой, то он готов это сделать. Притом на самом высшем уровне.

Найти нужное здание оказалось довольно просто. Попасть внутрь было уже сложнее, ведь несмотря на то, что охранялась мануфактура спустя рукава, внутри действовала пропускная система. А значит Кевину просто необходимо было добыть у кого-то вожделенный кусок металла со встроенным внутри чипом.

До окончания рабочего дня оставалось уже немного, и рабобяги хотя и единично, но начинали покидать служебные помещения. Кен пристроился буквально в сотне метров от входа, прислонившись к стене и надвинув кепку на глаза. Для рослого четырнадцатилетнего паренька сойти за одного из сотрудников мануфактуры не составляло бы труда, но с конспирацией всё далеко не так просто. Помимо того, что он должен походить на работника внешне, сказывалась ещё и внутренняя аура: переплетение чёрных лент, особый отпечаток состояния, похожее мышление. Это только для жителей Среднего пропуск — обычная металлическая пластинка на цепочке, которую они надевают на шею. На самом деле всё намного сложнее, и если не обладаешь достаточно мощ-

ным внутренним зрением, то вряд ли когда-нибудь сможешь разобраться, из-за чего товарищ хотел пойти по твоему пропуску, чтобы не погореть на нарушении дисциплины, а накрыли в итоге вас обоих. Впрочем, рядовые жители Среднего уровня подобными шалостями и не занимаются. Не хватает у них на такое смекалки.

Подключив наконец внутреннее зрение, Кевин приготовился выискивать потенциальную жертву. Конечно, чем сильнее совпадёт его аура с аурой работяги, тем лучше, но всё равно выставил себе внутреннее ограничение в пятнадцать минут. Если пропустишь час-пик, рискуешь на входе привлечь к себе излишнее внимание. А так — может и повезёт...

Один. Второй. Третий — Святая Чернь, слишком старый! На четвёртом, подходящем почти идеально, Кен даже раскрыл глаза, но с сожалением отмахнулся от такого заманчивого предложения. Мужчина, пропуск которого бы подошёл для парня, словно назло был в измазанной масляными пятнами куртке. Не приметить такого было почти что невозможно, а Кевину не хотелось рисковать быть узванным охранником.

Внутренние часы успели отсчитать полных двенадцать минут, когда парень открыл глаза второй раз. Неплохо, вполне неплохо. С этим трудягой они совпадали и ростом, и примерно одеждой, и даже формой кепки. Поэтому недолго думая, Кен оттолкнулся от стены и моментально смешался с

толпой.

Толчок, короткая подножка, сразу успеть удержать за локоть.

— Прости, друг, — проговорил Кевин, вкладывая в голос ровно столько извинения, на сколько способен человек после полноценного рабочего дня. — Совсем ноги не держат.

— Добро, — отмахнулся мужчина, даже не особо приглядываясь к пареньку.

Да и зачем, когда извинения принесены, а лично его ноги тоже с трудом передвигаются, топая к дому на чистых инстинктах? А то, что пропуск больше не покоится в кармане, он обнаружит уже среди родных стен.

Теперь следующий шаг — попасть в здание. Для этого Кевин специально выбрал момент, когда выходящих будет особенно много, и юркнул ближе к будке охранника.

— Ключи забыл, — проговорил он, тут же делая шаг назад и пропуская между собой и будкой достаточно многочисленную компанию. — Пустишь?

Охранник ожидаемо скривился, едва ли удостоив растяпу взглядом.

— Только недолго там, мне ещё смену сдавать.

Кен кивнул и боком протиснулся мимо турникетов. Система обнаружения среагировала на пропуск с крохотной заминкой, и будь охранник более внимательным, ну или хотя бы оказался вокруг людей поменьше, обязательно заметил несостыковку. Но уже через несколько мгновений неполадка

была устранена, и Кевин подтянул чёрные ленты турникета своим ментальным планом так, чтобы постфактум подмену было бы уже не обнаружить.

Только войдя в полупустой коридор, парень заметил, что сердце его стучит, словно бешенное. Пришлось даже остановиться и отдышаться, ведь в его деле холодный расчёт — основа успеха. И лишь спустя целых десять секунд, Кевин наконец почувствовал покой и двинулся дальше.

Его цель — сердце аппаратуры, а миссия — вывести из строя завод. Разумеется, уже к утру здесь всё наладят, а работяги даже знать не будут, что где-то образовался простой. Но именно эта заминка и нужна была Смиту ради энергетического всплеска, и чтобы сделать всё максимально быстро, Кевин опять подключил внутреннее зрение.

Когда ты смотришь на всё своими глазами, то видишь просто технику. Глыбы металла, грубый камень, какие-то механизмы. Но стоит прикрыть глаза физические и открыть внутреннее зрение, и вот перед тобою уже монстр. Живой, дышащий, и очень суровый. Он разрывает землю, заставляя её страдать, и отравляет воздух. Ломает всё, до чего могут дотянуться его щупальца, и это... Не будь у Кевина столь крепкого желудка, его бы наверняка затошнило. Чёртово проклятье Нижнего уровня, из-за которого ты чувствуешь боль планеты! Святая Чернь, как же всё плохо...

Найти сердце мануфактуры оказалось довольно просто. Добраться внутрь для ловкого парнишки также не составило

труда. Он осторожно разобрал в своих мыслях чёрные энергетические ленты и с точностью сапёра вытащил необходимую плату.

Секунда. Другая. Третья.

На четвёртую гул потихоньку начал затихать, и Кевин наконец-то смог сделать облегчённый вдох.

Он спрыгнул на пол, пряча заветную плату во внутренний карман рубашки, и почти бесшумно зашагал по направлению к выходу — в конце концов, ему необходимо было уйти на улицу тем же путём, которым и попал. Но не сделал и десяток шагов, когда всё здание оглушил вой сирены.

Глава 13

Главное правило оперативника — не паниковать. И у Кевина это почти что получилось, но даже спокойствие помогало мало.

Он попался. Накосячил сам? Забыли что-то рассказать об устройстве агрегата? Ещё одна проверка ушлого Смита? В принципе, нет никакой разницы. О причинах можно подумать и потом, но сейчас главное — выскочить наружу. Унести ноги хотя бы относительно невредимым.

Суэта началась моментально. По аккомпанемент из оглушающего рёва зазвучал и топот тяжёлых сапог, перемежаемый криками охранников. Кто-то на повышенных тонах ругался, но некоторые предлагали сразу вызывать специалистов, чтобы успели наладить работу мануфактуры в срок. Кевин мысленно хмыкнул: если и вправду вызовут, то те успеют завершить свою работу даже до наступления рассвета. Другое дело, что без платы всё равно провозятся не меньше шести часов, а заказать новую в Среднем не так-то просто. Значит, задание можно считать хотя бы с натяжкой, но выполненным, если только его самого не поймают.

Парень прижался к стене и на несколько мгновений прикрыл глаза. Просто так ему лазейку не найти, а чуйку, которая отращивается оперативниками с каждым заданием, Кевин пока ещё не наработал. Но вот внутренний взгляд... Ди-

ректор не просто так вцепился в тогда ещё десятилетнего мальчишку словно клещами, ведь в числе его умений есть также и просчитывание вариантов с максимально лучшим исходом.

Итак, поехали.

Затеряться в толпе прибежавших зевак? Десять процентов успеха, потому что в основном там сейчас только те, кто должен оставаться на ночной обход, и эти парни знают друг друга в лицо. Новую физиономию они смогут разглядеть на раз-два.

Попытаться выбраться через главный вход? Полтора процента успеха, да и то если успеет в ближайшие же секунды. Вот-вот здание окажется оцепленным, а входы замурованы, чтобы ни зайти, ни выйти просто не представлялось возможным.

Чуть больше, то есть почти три процента, давали варианты «уйти через крышу» и «спрятаться до утреннего прихода работяг», но первый был сродни авантюре, а против последнего говорила металлическая пластина пропуска, пропавшую которой вот-вот обнаружит настоящий хозяин.

Парнишка стиснул зубы. Нужно думать, думать! Нельзя просто взять и провалить первое же задание, тем более его в «Доме» ждёт Эмилия.

Огромные ясные глаза младшей сестрёнки будто посмотрели на него из темноты коридора, а крики и шум теперь звучали буквально в нескольких десятках метрах, но ощу-

щались приглушёнными.

Думай, Кевин, думай...

«- Как ты это делаешь? — спрашивает малышку господин Кент, вертя в руках очередную деталь, которую Эмилия создала буквально из мусора. — Ладно предыдущие, но эта точно не должна была работать. Она ведь сломала в хлам!

— Если нельзя починить, то надо просто сломать ещё сильнее, — послушно отвечает девочка. — Тогда можно будет полностью перераспределить потоки энергии и чёрные ленточки.

Учителя нехило забавляло, что самая его младшая ученица упорно продолжает называть завихрения силы «ленточками», но он всегда признавал нестандартный подход Эмилии к делу.

— Молодец, девочка, — кивает Кент. — Ты далеко пойдёшь».

— Молодец, сестрёнка, — шепчет себе под нос и Кевин. — Надо просто доломать сильнее.

План с диверсией действительно давал аж двадцать пять процентов успеха, и Кен рискнул.

Шаг — и вот он уже смешивается с толпой, и даже что-то комментирует.

Несколько метров в сторону, просто дотянуться до металлического бока очередного мануфактурного монстра. Физически ему не требуется ничего вытаскивать — достаточно просто перераспределить потоки силы.

Чуть сдвинуться в сторону, потому что теперь сирена воет уже на иной лад, показывая новую поломку. Тут и там звучат предположения, что компанию ждёт массовый сбой, а тот самый охранник, которого Кевин встретил на проходной, теперь стоит, прикусывая костяшку пальца.

Пять человек, включая Кевина, разбежались по разным локациям чтобы проверить в порядке ли остальное оборудование. Правда воспитанник «Дома» ничего проверять не стал, а проскользнул к запасному выходу. Поворот. Ещё один. Застыть, чтобы пропустить охранника, который до этого замешкался в уборной. И уже через несколько минут парня ждала долгожданная свобода.

Он плохо помнил, как избавлялся от старой одежды, как добирался из перехода в Нижний и как вернулся в «Дом». После подобного перерасхода энергии, Кевин попросту рухнул на кровать и заснул крепким сном до самого утра, едва успев обнять перед этим Эмилию. И только после десяти утра, пропустив завтрак, предстал перед господином Смитом.

Похвалы он не заслужит, и в принципе был с этим согласен. Зато постфактум узнал, что его личность так и не была раскрыта, а диверсию в итоге предпочли списать на массовый сбой оборудования. Худо-бедно, но к утру мануфактура снова заработала, а украденная плата была передана господину Кенту для детального рассмотрения.

Всё это Кевин слушал вполуха, ожидая только главного —

вердикта директора. И, не дождавшись, спросил напрямую сам.

— Господин директор, я выполнил свою часть сделки. Мы можем переезжать?

Смит, разумеется, насквозь просканировал парнишку, и будь воля мужчины, задал основательную такую трёпку. Но несколько секунд, и он обречённо махнул рукой.

— Чернь с вами, собирайте вещи. Только при условии, что каждый день после ужина ты будешь приходить к госпоже Вазайски в медблок.

Уже через неделю Кевин и Эмилия действительно переселились в так называемое «взрослое», основное крыло, которого даже не было видно с главного входа. Малышка привлекала взгляды и здесь, но взрослые относятся к таким вещам куда как лояльнее. И да, весь первый месяц встречи в кабинете врачамага стали для Кена обязательной повинностью.

— Итак, давай поговорим с тобою, Кевин.

Госпожа Вазайски сидела в удобном кресле, парнишку же усадив на диван. Однако он сидел, словно на иголках, а взгляд его так и блуждал по полу до входа.

— А мы можем оставить дверь открытой? — немного растерянно спросил Кен.

Женщина внешне осталась абсолютно спокойна, но внутренне уже тяжело вздыхала. Пожалуй, месяц — это только начало терапии.

— Ты ведь понимаешь, что твоя сестра никуда не ушла?

— осторожно уточнила Вита, поправляя очки. — Она сидит ровно на таком же диване, как и ты, только по другую сторону двери, и читает книгу.

— Я... — замялся парень. — Я только посмотрю.

Не дожидаясь разрешения, он поднялся на ноги и буквально в пару шагов преодолел три метра до выхода. Тихонько приоткрыл дверь, и поймал взгляд Эми, которая чутко отреагировала на звуки. Ответил улыбкой на её улыбку, едва заметно кивнул и снова закрыл дверь. Возможно, не так плотно, как бы стоило.

Госпожа Вазайски следила за всем этим с недовольством. Впрочем, чего ещё было ждать? Четыре долгих года мальчишка пестовал в себе эту фобию, и вряд ли сможет взять и избавиться от неё по мановению руки.

— Расскажи, что ты чувствуешь, когда смотришь на Эмилию, — предложила она, стоило Кевину снова усесться на диван.

— Я... — парень словно запнулся. — Спокойствие. Если она в порядке, сыта и невредима, то я спокоен.

— Ты понимаешь, что она может быть в порядке, находясь и вне поля твоего зрения?

— Разумеется, — кивок.

Конечно, понимает. Просто поделаться с собой ничего не может.

— А что оказываешь и себе, и ей медвежью услугу? Вы — не весь мир друг для друга, Кен, — вкрадчиво, почти что

ласково продолжила Вита. — Подумай, чем бы смогли заняться по-отдельности друг от друга. Что сможет дать каждому из вас хотя бы немного свободы и личного пространства.

— Но Эми ведь ещё очень маленькая!

— Просто подумай.

Почти минуту парень просто разглядывал свои ладони, сжатые в кулаки и лежащие на коленях. Но, тяжело вздохнув, всё-таки заговорил.

Первый сеанс продлился почти полтора часа, хотя Вита прекрасно помнила, что начинать следует с малых процедур. За это время Кевин подходил к двери ещё трижды, и каждый раз Эмилия сидела ровно там, где и была в прошлый раз. А госпожа Вазайски изо всех сил старалась сдерживать уже свои эмоции.

Со Смитом они встретились почти что в полночь, в его кабинете. Джон ожидаемо заварил вигу, а Вита принесла с собою крекеры, которые для неё оставили на кухне.

— Знал бы, что ты сегодня придёшь, в тот раз отправил бы мальчишку не за бесполезной железкой в Средний, а при-тащить из Верхнего отборной виги!

— Очень смешно, — фыркнула Вазайски. — Я думала, ты бережёшь Кевина, как зеницу ока.

— Одно другому не мешает, — отмахнулся мужчина. — Что скажешь?

Ему не нужно было уточнять, а Вите — переспрашивать. Патологическая привязанность будущего приемника Смита к последней из членов своей семьи почти что стала притчей во языцех, и он прекрасно понимал, что изрядно подзадержался, отмахиваясь от проблемы.

— Пока ничего, — Вита пожала плечами. — За месяц мы точно не управимся, но если не бросать, то они смогут это пережить.

— А девчонка?

Порою Смит ловил себя на том, что не понимает, что творится в голове у маленькой Эмилии. Иногда даже задумывался, не является ли она в их с братом тандеме негласным лидером.

— Эми слишком послушна, и это плохо. Правда не будь она такой, вряд ли бы задержалась в «Доме».

— Вышвырнул бы, как пробку из бутылки с вигой, — фыркнул Джон, но оба они понимали, что эти слова — обычная бравада.

— Она справится. Притом быстрее, чем Кевин — с ней мы ещё не опоздали.

— И да услышит тебя Святая Чернь...

— Ну хоть не Директорат, и на том спасибо.

Собеседники обменялись улыбками и снова принялись за свои напитки. Остывшая вига была и вполонину не так вкусна, как свежеприготовленная, а что до брата и сестры... Ничего. Как-нибудь да разберутся.

Глава 14.

— Вот так, аккуратно, — проговорила госпожа Вазайски, направляя руку девчушки. — Видишь, как переплелись энергетические потоки?

— Угу, — кивает Эми, сдувая с глаз излишне отросшую чёлку. — Мне распутать? Тогда ему будет не так больно.

Она показывает в сторону паренька, над раной которого сейчас и проводила процедуры врачамаг. Но та отрицательно мотает головой.

— Не трогай, — строго отвечает женщина. — Иначе уляжешься на соседнюю с ним койку.

— А ничего, что мне тут больно? — возмущённо поинтересовался пациент. — Как же известный старый принцип «не навреди»?

— По философии и истории тебе «пятёрка», — невозмутимо отвечает ему госпожа Вазайски. — Зато по метанию ножей — «кол» с минусом. И ничего, потерпишь. Будет тебе наука на будущее.

Парень продолжил сопеть, но хотя бы держал рот закрытым. Вита же принялась показывать Эмилии, как именно проходит процесс лечения больных.

Врачамаг — профессия неоднозначная. С одной стороны, медицина в сравнении с прошлым серьёзно откатилась назад. Но в кое-каких аспектах всё же совершила скачок.

Для рядовых пациентов манипуляции остаются невидимыми, однако толковый специалист с первого взгляда в состоянии различить на ментальном уровне, что за хворь постигла их пациента и как ему можно помочь. Но одного лишь видения чёрных лент и их вкраплений мало, тут требуется особая сноровка.

Подавляющее большинство врачемагов приходится на Верхний уровень, и только так называемые «среднячки», не хватающие с неба звёзд, отправляются лечить народ в Среднем. Работёнка это не пыльная, к тому же в помощь им приходится различные отвары и настои. В общем, справиться с ней не сложно.

Плохих врачемагов попросту не существует: ты или лешишь, или нет. Но если твой уровень чуть выше середнячка, то есть способен не просто увидеть болезнь, но и понять причины, то в состоянии лечить пациентов уже совсем по-другому.

Хороший врачемаг способен устранить болезнь при помощи своего потенциала. Один-два, ну может три сеанса, и человек оказывается здоров. Без отваров, без микстур, без ремиссии и последующего отката. Услуги таких специалистов стоят баснословно дорого, и в первую очередь потому, что им необходимо восстанавливать собственный резерв. Но далеко не в каждом случае они в состоянии помочь. Особо запущенные, тяжёлые ситуации разрешить может только самый высокочеловеческий специалист.

Таких, кстати, от силы несколько десятков, и двое абсолютно точно трудятся на благо лично Кайзера. У них не бывает осечек, и они не выходят в ноль со своим потенциалом. А всё потому, что могут переправлять потоки энергии так, что пациент зависит только от себя. Это его потенциал, из прошлого или из будущего, берётся в работу, а значит врачемаг элементарно не устаёт. Не пропускает важные ленты энергии, не забывает распутать самые сложные и вёрткие узелки. Его глаз не замыливается, и, кажется, смог бы вести приём часами напролёт. Вот только подобных альтруистов ни в одном слое не видать. Во всяком случае, официально.

Сама госпожа Вазайски могла бы причислить себя к той самой элите из элит, но всё-таки старалась не выделаться. Большие знания и высокая должность в современном мире сравни признанию себя мишенью. Никогда не знаешь, когда твоя жизнь окажется под угрозой и кому ты перейдёшь дорогу, даже сама этого не распознав. Поэтому когда чуть больше десяти лет назад Джон Смит предложил Вите должность в «Доме», та согласилась, даже не раздумывая. Привыкнуть к затхлому воздуху Нижнего — дело пары недель. Зато только здесь она могла чувствовать себя вне опасности.

Девчушку, что сидела сейчас перед ней, так же имела способности к врачеванию. Видела потоки, умела их распутывать, с успехом составляла микстуры или порошки. Но заставлять такую кроху лечить при помощи собственного потенциала было сравни убийству, а правильно перераспреде-

лять потоки энергии Эмилия ещё не научилась. Да и не факт, что стоит вовлекать её в подобные дела... Не единожды Вита советовалась по этому поводу с Джоном, но каждый раз тот отмахивался: мол, в качестве техника малявка нужнее. Пускай лучше помогает в медицинском блоке с механической работой, не погружаясь в дела врачамагов свыше меры.

Покончив с наложением повязки, Вазайски поднялась со своего стула и поманила Эми за собой. Этот криворукий бездельник и в одиночестве спокойно отлежится, а они в это время смогут спокойно попить виту со сладостями.

— У меня есть коренья в сиропе, — предложила Вита, ставя на маленькую плитку чайник. — Будешь?

— Если можно.

Надо же... Годы идут, а Эми всё такая же стеснительная, как и во время первой их встречи. Вот разве что за штанину брата больше не прячется.

Вита была разлита по кружкам, а коренья высыпаны на тарелочку вместе с остатками печенья, которые сердобольный повар передал через Эмилию врачемагу в обмен на мазь от ожогов. Женщина и девочка принялись за напитки, но каждая казалась погружена в собственные мысли.

С момента появления в «Доме» Кевина и Эми прошло уже целых девять лет, пять из которых они проживали в основном, так называемом «взрослом» крыле. И госпожа Вазайски не покривила бы душой если призналась, что стала относиться к девочке почти как к родной. Возможно даже и счи-

тала дочерью, которой никогда у неё не было, да и вряд ли появится. Опять же, девочка что раньше, что сейчас слишком мала в сравнении с остальными жителями «Дома», и потому понятно, отчего стремится проводить в медицинском блоке столько времени.

К счастью, терапия дала свои плоды и братский комплекс постепенно отступил. Мир для этих двоих расширил свои границы, и постепенно туда начали проникать другие люди. Пока что только изредка и ненадолго, но если сравнивать с тем, что было раньше, то для Виты Вазайски это уже победа. Как и для брата с сестрой.

— Вам не нужна будет помощь в ночную смену? — интересуется девочка, положив на своё блюдечко ещё одно печенье.

— А что, Кевин опять тренируется в ночь?

Эмилия слегка краснеет под насмешливым взглядом женщины, и та с трудом сдерживает себя, чтобы не потрепать двенадцатилетнюю девчушку по макушке. Вот как была ребёнком, так и осталось. А ведь год-другой, и станет девушкой. Или?.. Да нет, не могла бы Эми от неё такое утаить.

— Я не боюсь ночевать одна, — меж тем, оправдывается Эмилия. — Просто подумала, вдруг будет поток пациентов, и...

Договорить малышка не успевает, потому что в кабинет, проигнорировав стук, врывается господин Кент.

— Это просто уму непостижимо! — выдаёт он вместо

приветствия. — У Смита что, совсем крыша с катушек слетела?

Вазайски громко и демонстративно прокашливается. Разумеется, своим педагогическим составом они уже давно привыкли к присутствию Эмилии. Но нарушать так откровенно субординацию не стоит ни при ком.

— А, ты тоже здесь, — мужчина наконец-то замечает помощницу врачамага. — Зайди ближе к вечеру ко мне, есть несколько новых плат — посмотришь.

— Господин Кент, вам требуется какой-то мой совет? — вкрадчиво интересуется Вита. А ведь старик-техник совсем сдал в последнее время... — Возможно мы сможем назначить...

— Какие ещё советы, Вита? Но помяни моё слово, директор опять притащил какого-то трудного подростка, и нам это ещё ой как аукнется. Помните, что было с Айзеком?

Айзека помнила даже Эми. Шестнадцатилетний парень был настолько же бедовым, насколько и талантливым. Примерно месяц он ходил в негласных лидерах «Дома», зубами и когтями выдирая славу у Кевина, с которым они были в тот момент ровесниками. И, кстати, вырвал, гордо отправившись на очередное задание. С которого так и не вернулся.

После него таких вот уникумов больше не появлялось, но даже чувствительный господин Кент не стал бы суетиться на пустом месте.

— Так что, у нас новый постоялец? — уточнила госпожа

Вазайски, наливая кружку виты для гостя, и заодно незаметно для него добавив туда пару капель успокоительного. — И кто это?

— Очередной мальчишка-зазнайка, — фыркнул Кент и таки уселся за столик, подхватив в руки напиток. — Кстати, Эми, ты имей ввиду — он по вашу душу.

Девочка ничего не спросила, но распахнула глаза так широко, что всё понятно и без слов.

Что значит, по их душу?

Глава 15

— Ну-ка поясни, — вместо неё интересуется врачемаг. — И с толком, пожалуйста. С расстановкой.

— А что тут пояснять? — хмыкает мужчина, делая первый глоток. — Смит притащил свой новый «самородок», и решил подселить его в блок к Кевину. Мол, чтобы тот на него повлиял. Вит, а что за вкус у напитка такой странный?

— Нормальный вкус, тебе показалось, — отмахивается Вазайски. — Так что там с мальчиком?

Кент делает ещё один глоток, и обе женщины: взрослая и маленькая, отмечают, что лекарство начинает действовать. Во всяком случае, говорит теперь мужчина на порядок спокойнее.

— Ему семнадцать, — отвечает технарь. — Ричард. Ну или «Дик», как он сам себя называет. Смит подобрал его едва ли не с улицы, когда тот попытался незаметно обчистить его карманы. Притом не в катакомбах воровал, а в Среднем уровне — представь!

Вазайски на это только хмыкнула, решив не комментировать. Даже просто попасть в более высокий слой — уже задача не из лёгких. Решиться промышлять там разбоем и вовсе кажется чем-то выходящим из ряда вон. Понятно, почему Смит так заинтересован в этом «Дике».

— Мордаха, к слову, смазливая, но и кулаки наверняка

крепкие, — между тем, продолжает Кент. — А характер взрывной: за три часа в «Доме» устроил уже четыре драки.

— Больше, чем одну за час, — тянет Эмилия и тут же прикрывает рот ладошкой. Обычно в разговоры взрослых она не вмешивалась, и очень может быть как раз поэтому её никогда не погнали прочь.

— Вот именно, — теперь короткий взгляд на девочку. — Короче, директор решил поселить его к вам в блок, чтобы Кевин повлиял на него положительно.

Блоками во основном крыле «Дома» называли объединённые части комнат. Если малышня ютилась в общих казармах, спя и принимая пищу в общем помещении, то более взрослые воспитанники могли рассчитывать на относительный приват. В блоке была общая комнатка на манер гостевой зоны, где стояли пара диванчиков и столик. Из гостевой можно было пройти в две комнаты, расположенные по разные стороны — спальни, в которых жили по одному или по двое. Чаще всего в каждом блоке селилось четыре человека, но Кевин с Эмили делили пространство только на двоих. В своё время на этом настояла и госпожа Вазайски, что в рамках терапии здорово помогло брату и сестре. Чуть позже необходимость в привате отпала, но высокий статус Кевина и то, что Эми было лишь двенадцать, сыграло свою роль. К ним никого не подселяли. До сегодняшнего дня.

Вынырнув из своих мыслей, девочка только сейчас поняла, что пропустила часть диалога взрослых и те уже какое-то

время обсуждают предстоящую жеребьёвку среди жителей «детского» крыла. Тема была совсем не той, которая интересовала Эми. К тому же ей покоя не давало то, что скоро в их блоке, а значит и уютном тесном мирке, может появиться кто-то посторонний.

— Простите, мне, пожалуй, уже пора, — проговорила Эмилия, поднимаясь со стула. — Большое спасибо за виту. Моя помощь не больше понадобится?

— Нет, детка, — отмахивается Вазайски. — Можешь идти.

И Эмили пошла. Передвигала ноги на автомате, а мыслями была уже там, далеко.

Мальчик. Нет, уже вполне себе взрослый юноша окажется на их территории, и девочку это волновало. Он младше Кевина, но признает ли его авторитет? Чем старше, тем яснее становилось для окружающих, что её старший брат на особом положении. И те задания, за которые берётся, далеки от обычных. Но они так привыкли к тому, что в своём блоке могут просто расслабиться и быть самими собой, что новость о чужаке буквально выбивала почву из-под ног. Заставляла пульс учащаться, а шаг становился шире и быстрее.

Сама не заметив, как ноги привели её к дверям блока, Эмилия почти уже взялась за ручку, но тут же себя одёрнула. Всё хорошо. Она даже отсюда, из коридора, чувствовала присутствие постороннего, но успокаивала себя — это не может быть плохой человек. Директор просто не привёл бы

кого-то опасного, и тем более не стал селить с ними по соседству. Поэтому нужно просто сделать глубокий вдох и улыбнуться. Поздороваться, быть вежливой. Возможно даже приготовить виту — кажется, у них ещё оставался солидный запас. А Кевин обязательно сделает всё возможное, чтобы они не конфликтовали. Вполне возможно, они уже сидят, сами заварив напиток, и брат вводит новенького в курс дела, рассказывая о заведённых в «Доме» порядках.

Итак. Вдох, да поглубже.

Медленный выдох.

Ещё разок, и девочка наконец берётся за ручку двери, уговаривая себя, что главное — улыбаться.

Дверь отворилась бесшумно, но так и не успевшая закрепиться на лице улыбка сползла в один момент. Потому что-то, что увидела Эми, меньше всего походило на дружескую беседу.

Девчушка прижала к губам ладонь, глазам своим не веря. Кевин, её всегда рассудительный и спокойный старший брат, сейчас катался по полу, сцепившись с парнем, который почти не уступал ему в габаритах. Притом это даже нельзя было назвать полноценной дракой или борьбой, и единственное слово, которое пришло на ум Эми — возня. Почти что детская, какая бывает только у десятилеток. Возможно от такого можно даже отмахнуться, если бы не два весьма солидных факта. Первое — в возне участвовал непосредственно Кевин, и это... пугало. Сбивало с толку. Ну а второе — проис-

ходила эта детская драка не посреди гимнастического зала, а прямо на полу в их блоке. Маленьком уютном пространстве, которое грозило превратиться в хаос, а часть поделок Эми уже свалилось со стола и комода, оказавшись на полу. К тому же... святая Чернь, да как минимум у одного из них под носом кровавые следы!

— Остановитесь! — воскликнула девочка, вскинув руки к груди. Но её, кажется, и вовсе не услышали. — Хватит. Прекратите, пожалуйста!

Возня на полу и не думала завершаться, но теперь вроде бы Кен был сверху. Правда секунда, и вот они снова катятся, натыкаясь на диван.

Понятное дело, что инстинкт самосохранения не позволил Эми лезть в драку между двумя, по сути, мужчинами, но и оставить всё как есть она не могла. Позвать старших? Нельзя, будет скандал. Кого-то из соседей? Был бы толк... Попытиться разнять этих драчунов самой?

Действуя на инстинктах, Эмилия схватила объёмную жестяную банку, в которой как раз выращивала корешки от веток для очередного эксперимента с чёрными лентами.

— Простите, цветочки, я вас потом залечу, — пробормотала она, выхватывая из банки ветки.

Материал для экспериментов был брошен на комод, а вода, мутная и с добавлением удобрений, уже через мгновение оказалась вылита на головы парней, словно Эми пыталась разнять сейчас драку одичавших крыс. Впрочем, не так

уж далека она была от истины.

Глава 16

Оба парня — Кевин и новенький, застыли на секунду, а после отпрянули друг от друга.

«Действительно как мелкие крысята», — подумала Эми. Но на лице её ещё читалась тревога, а банка крепко прижмалась к груди.

На девочке сошлись две пары глаз, и выглядели их владельцы весьма потрёпано. Всклобоченные волосы, которые у новенького были ещё и довольно длинными, мелкие гематомы, слегка разорванные футболки. И у каждого под носом красовались кровавые «усы».

— Эми? — удивился Кевин, наконец приходя в себя. — А ты тут что делаешь?

— Господин Кент сказал, что к нам подселили нового жителя «Дома», — призналась девочка, осматривая так и сидящих на полу парней. — Подождите минутку, я сейчас.

Маленький холодильник Эмилия собрала сама, подсмотрев принцип переплетения лент на большой кухне «Дома». В нём она хранила сладости, которые иногда передавала госпожа Вазайски, но чаще в холодильнике держался лёд. После упорных тренировок, а иногда и из-за травм в отделе техники, прохладные кубики не раз выручали их семью. Вот и сейчас должны были пригодиться.

Наскоро обернув по куску замёрзшей воды в тряпицу, она

вернулась и протянула ледяной компресс каждому из парней. Брат принял подношение с благодарностью, тут же приложив его к основанию носа. Второму же участнику драки Эми передавала тряпицу с волнением. Что здесь у них такого произошло? Что эти двое так сходу не поделили?..

— Спасибо, — ответил гость, сосредоточив взгляд на Эмили. — Надо же, как ловко ты нас разняла...

Девочка покраснела, совершенно неожиданно для себя. Голос у парня был приятным, и от используемой интонации по телу пробегали мурашки. Но не от страха, а скорее приятные. И его внешность... Часть лица сейчас перекрывала тряпка, но то, что Эми видела, могло свидетельствовать о том, что юноша красивый. Кевин тоже был очень хорош, а по мнению девочки так и вовсе самый замечательный, но этот... Что-то во внешности их гостя заставляло продолжать смотреть на него дольше, чем было положено.

— Дик, — проговорил он, протягивая ладонь, и лишь через две секунды до Эми дошло, что парень представился ей и хочет поздороваться. — А ты?

— Эми...

Короткое, буквально на мгновение, приветственное постукивание привело девочку в ещё большее смятение. Она бы с удовольствием и вовсе спряталась за спину брата, или сбежала из комнаты, но тут глаза Дика расширились в удивлении.

— Ты же маленькая, да? — воскликнул он. — Я сперва

думал, что показалось после тумака, но ты — ребёнок. Разве здесь должны быть дети?

Кажется, Эмилия покраснела ещё сильнее. Она уже привыкла, что самая младшая вокруг, а выражения «малявка» или «мелкая заноза» уже давно стали привычными и почти родными. Но услышать что-то подобное из уст Дика почему-то показалось странным и... неправильным, что ли?

— Ей двенадцать, — спокойно ответил Кен, запрокидывая голову на диван. Кровотечение давно остановилось, но если не подержать лёд подольше, то ещё неделю будешь ходить с синяком на половину лица. — Эми также живёт здесь, вместе со мной.

Фраза, правдивая и совершенно нейтральная, заставила Дика напрячься и даже потемнеть.

— Святая Чернь, что значит живёт с тобой? — теперь в голосе новенького проявился металл, а взгляд стал по-настоящему тяжёлым. — Ты — безумный...

— Поостынь, — прервал его Кевин, не дав договорить. Не первое и может быть даже не последнее недоразумение в их жизни. — Эмилия — моя младшая сестра.

А вот теперь девочка закусил губу, чтобы не рассмеяться. Выражение лица Дика превратилось в настолько потешное, что ей для этого понадобилось призвать все свои силы.

— Шутишь? — парень неверяще перевёл взгляд с Кена на неё, а потом обратно. — Вы правда родственники?

— Осиротели девять лет назад, и с тех пор живём в «До-

ме», — привычно ответил парень. Разумеется, новенький удивился — иметь в Нижнем родственников та ещё редкость.

— Погоди, так вы...

— Давай потом, а? После нашей разминки лицевым мышцам неплохо бы и отдохнуть, а не тратить силы на болтовню.

Пожалуй, Дик был с ним согласен. Но всё равно продолжал с интересом разглядывать девочку, которая смущалась под его взглядом всё сильнее.

— Надо же... Никогда у меня не было родни. О, я придумал! — воскликнул Дик, отодвигая от лица ледяной компресс. Синяк уже начал наливаться, но парня это совершенно не портило. — Раз уж мы поладили, то ты будешь и моей сестрёнкой.

— Ну-ка притормози, — мгновенно подобрался Кевин. — Припёрся тут, сидишь без году неделя, а подавай ему сестру!

— Ой, ну не вопи. Подумаешь, просто поздоровались. И вообще...

Эмилия не вслушивалась больше в слова. Она присела на краешек дивана, который из-за драки тоже сместился, но хотя бы не был перевернут, сложила ладони на колени и продолжала рассматривать двух парней.

Кевин и Дик болтали и шутили, словно закадычные товарищи, и это было одновременно непривычно и приятно. Словно их крохотная семья стала на одного человека больше. Но было и кое-что ещё, что Эми никак не могла оконча-

тельно уловить. Почему-то на новенького хотелось продолжать смотреть, но стоило взглядам соприкоснуться, и непонятное смущение накрывало девочку с головой. Интуиция подсказывала — Дик хороший. А странное волнение, которое испытываешь рядом с ним, наверняка завязано на чём-то ещё.

Глава 17

— Я вот только одного понять не могу, — проговорил Дик, разглядывая Эми в упор. — Почему ты такая маленькая?

Сейчас они сидели втроём, как частенько и бывало в вечернее время. У Эми в руках была очередная поделка из схем и проводов, Кевину компанию составляла книга. А Дик, который вот уже третий месяц проживал в одной комнате с Кеном и, соответственно, едином блоке с братом и сестрой, сейчас было отчаянно скучно.

— Отцепись от неё, — лениво отмахнулся Кевин, пере листывая страницы. — Она маленькая потому, что ей всего двенадцать.

Сама Эмилия промолчала, потому что до сих пор немного тушевалась в присутствии Дика. Парень всё так же, как и в первый день, вызывал в ней двойственные чувства: она вроде бы и привыкла к нему, уже не представляя их блок и гостевую комнату без Ричарда, но каждый раз побаивалась оставаться с ним наедине или пересекаться взглядами. Что-то странное, дикое поднималось, но не в нём, а в ней самой. Девочка искренне надеялась, что рано или поздно чувство уйдёт, а она сможет разговаривать с Диком так же легко и спокойно, как и с братом. Ну или любым другим парнем в их окружении.

— Ты просто до сих пор видишь в ней ребёнка, но поверь, через годик-другой в Доме терпимости...

— Захлопнись.

Парень беззлобно замахивается, пытаясь отвесить соседу тумака. Разумеется, тот успевает увернуться, но тему прекращает.

— Ну правда, вы все её слишком жалеете и этим оказываете медвежью услугу, — не успокаивался Дик, теперь смотря на Эмили в упор. — Даже если раньше она и была самой младшей, то сейчас вполне может сдавать нормативы наравне с только поступившими в основное крыло «Дома». Мелочь, ты вообще хоть раз сдавала нормативы?

Эмилия мотает головой, пряча лицо за чёлкой, которая отросла длиннее положенного. «Мелочь» — уже привычное к ней обращение Ричарда. Почти что ласковое и такое родное.

— Значит с завтрашнего утра я беру на себя контроль за твоей физической подготовкой. Смотри, подъём в шесть утра. До завтрака нам нужно успеть сделать пробежку, отжимания, подтягивания...

— Так, ну-ка остынь, — на этот раз Кевин даже откладывает книгу. — Чего ради Эми изнурять себя в спортзале? Она — техник, и очень может быть, что врачемаг. Её никто не станет заставлять ползать в грязи или прыгать через здания.

— У неё нет ни одной мышцы, — не уступает и Ричард.

— Вместо рук и ног какие-то палки.

— Она просто ещё мала, со временем перестанет вытягиваться и наберёт вес.

— Но так и не оформится.

Девочка прикусила губу. Там, в «детском» крыле она даже не обращала на такое внимание, ведь они были примерно одинаковы — что мальчики, что девочки. Форма с порядковыми номерами, мешком сидевшая на всех и каждом, только подчёркивала эту обобщённость. Но здесь, во «взрослой» половине, дела обстояли иначе. Она прекрасно понимала, что значит «оформиться», потому как никаких признаков того, что со временем станет красивой девушкой, какие есть в «Доме», пока что не было и в помине. Сейчас она была даже не ребёнком, а палкой с обилием уголков. И это... удручало.

— Я буду заниматься, — решительно проговорила она, наконец открыто посмотрев на Дика. — Завтра обязательно проснусь в шесть.

Парни, которые едва не позабыли, чего ради вообще заспорили, переглянулись и с удивлением посмотрели на Эмилию. Кен явно собирался возразить, но махнул рукой и снова взялся за книгу. Мол, одно-два утра, и сестра наиграется в эту спортивную жизнь, вернувшись к привычному графику, микросхемам и корешкам в сиропе, которыми её снабжает госпожа Вазайски. Дик же кивнул, откидываясь на спинку с весьма довольным видом.

— Молодец, мелочь! Я обязательно сделаю из тебя человека.

На самом деле, запала Дика хватило ровно на две недели. Четырнадцать дней он упорно гонял Эмилию, заставляя подниматься с постели несмотря на ломоту в теле и полусонное состояние. Следил за тем, как выполняет упражнения, как бежит и чем питается. Самостоятельно договорился с поваром, чтобы для «мелочи» прибавили белковой еды в порцию, и даже составил какую-то там табличку по потреблению калорий. А потом в очередное утро взял и проспал аж до семи, а на робкий стук в дверь сообщил, что у них сегодня выходной.

В то утро Эми всё-таки отправилась в тренировочный зал, но сама. Внутри появилась пустота, ведь за эти две волшебные недели она успела привыкнуть к присутствию рядом Дика. К его подбадриванию, к тому, что подгоняет и не отводит от неё взгляд. К одобряющему поглаживанию по макушке. Вообще-то так её гладили и брат, и госпожа Вазайски, но только ради прикосновений Ричарда хотелось сворачивать горы. Выходить за грани возможного. Делать всё, лишь бы снова и снова слышать это его «молодец, мелочь».

К немалому удивлению Кевина, тренировки она не бросила, и каждое утро и вправду уходила сама и только изредка в компании Дика. Но ничего плохого в том, чтобы повысить выносливость сестрёнки, он не увидел, и в целом ока-

зался даже благодарен товарищу за ту выходку. Тем более, за прошедшие месяцы они с новеньким успели сдружиться, став едва ли не закадычными товарищами, и то, что он также присматривал за Эми, не вызывало отторжения.

Всё шло своим чередом, и это внушало хотя бы относительное, но спокойствие.

Глава 18.

— Не мальчишка, а проклятие от Черни, — фырчала госпожа Бомон, размешивая ложечкой вигу. Специально к её приходу госпожа Вазайски всегда доставала самые лучшие напитки. — Одни проблемы от него.

— Считаешь, ты единственная мне на него жалуешься?

Врачемаг улыбнулась и пригубила из своей кружки. А после всё-таки стрельнула взглядом в сторону Эми, которая сейчас заканчивала настраивать аппаратуру в кабинете.

На самом деле, для этого в «Доме» существовали специальные люди, но женщина всегда просила о помощи только свою любимицу. И дело даже не в том, что та за столько лет стала ей как родная — именно Эмилия могла подкорректировать приборы так, чтобы те чутко реагировали на приказы хозяйки. У девчонки имелся явный дар, и не использовать его как минимум глупо.

Гостья уловила намёк и жаловаться перестала. Впрочем, Эми и без того понимала, о ком сейчас идёт речь.

Госпожа Бомон пришла в «Дом» года три назад и числилась преподавателем по этике для девушек. Что это были за занятия Эмилия не интересовалась, а специально ей никто не объяснял — незачем. Маленькая ещё. Но примерно понимала, что на своих уроках Бомон рассказывала, как тем вести себя с мужчинами.

С момента прихода Дика прошло уже полгода, и почти каждый день Эми так или иначе слышит в его адрес фразы «бедовый», «от рук отбился» и «не пропускает ни одной юбки». Приходилось признавать, что упрёки были вполне заслужены. Ричард действительно часто нарушал дисциплину, мог пререкаться с преподавателями, устраивать стычки со сверстниками и то и дело заводил разговоры с девушками. Но помимо этого она знала, что Дик — добрый и честный. А ещё, заботливый. В нём было что-то от рыцаря из сказок, которые Кевин рассказывал ей ещё в детстве. Правда тогда Эмилия считала рыцарем именно брата, но сейчас готова была разделить эти лавры на них двоих. К тому же, именно глядя на Дика ей хотелось прикоснуться к его волосам, что доставали до плеч. И ведь многие девушки так и делали: гладили их, пропускали сквозь пальцы. Смотрели на просвет. Вряд ли бы друг одёрнул её, сделай Эми то же самое, но она всё равно стеснялась. И её ушки продолжали краснеть, когда Дик сам гладил её по макушке и называл «мелочью».

Подправив ещё один проводок, Эмилия бросила взгляд на госпожу Бомон. Несколько раз она порывалась спросить, не пора ли и ей посещать её уроки, но почему-то останавливала себя. Может скорее по привычке, ведь до сих пор девчушку считали маленькой? Но некоторые из жительниц «Дома» уже в четырнадцать начинали занятия, а Эми исполнится тринадцать довольно скоро. Спросить или не спросить? Или лучше подождать ещё?

— Ну ладно, девочки, — женщина, словно подслушав мысли Эми и решив по-своему, поднялась с той лёгкостью, которой не ожидаешь от настолько кругленького человека. — С вами хорошо, но мне пора.

— Заглядывай и завтра, — приветливо ответила ей врачехамаг и проводила до дверей. А после обернулась к воспитаннице, что подозрительно долго возится с обычной капсулой для обработки анализов крови. — Детка, ты что-то хотела спросить?

Эмилия разом покраснела — такого резкого перехода она не ожидала. С другой стороны, если и советоваться с кем-то, то именно с госпожой Вазайски. И не откладывая в долгий ящик.

— Как вы считаете, а мне, — Эми запнулась. — Мне не пора тоже посещать уроки госпожи Бомон?

Брови Виты поползли вверх, но уже через секунду нахмурились.

— Надо же... — протянула она, возвращаясь на своё место. — Я так привыкла видеть тебя малышкой, что даже не заметила, как ты подросла. И, разумеется, с тобой никто и никогда не проводил стандартную лекцию.

В «детском» крыле Эмилия всюду ходила хвостиком за братом, и часть информации пропускала мимо ушей. Или и вовсе не попадала на соответствующие уроки. Сюда же попала в семь лет, и для такой малявки сделали ряд упразднений. В том числе опустили лекцию, которая является обяза-

тельной для всех девочек, попавших в «Дом» в любом возрасте. Особенно тем, у кого не было матери или старшей наставницы.

— Эми, как много ты знаешь о взаимоотношениях мужчины и женщины? — Вазайски кивнула на стул, который ранее занимала подруга. Разговор предстоял долгий и не самый простой. — Ты ведь не могла пропустить абсолютно всё, к тому же Кевин что-то да должен был тебе рассказывать.

Если, разумеется, так же не отмахнулся, посчитав сестру вечным ребёнком.

— Ну, — протянула Эми, усевшись и потерев ставшие влажными ладошки о колени. — Когда приходит время, мужчина и женщина начинают встречаться. Они проводят вместе много времени, и у них даже могут появиться дети. Нам рассказывали о процессе эмбриологии на уроках. И про капсулы, генетику и естественную беременность, тоже.

— Но в «Доме» беременностей не случается, — отметила госпожа Вазайски. — Знаешь, почему?

— Потому что дети — высшее благословение? — глаза Эми распахиваются, и Вита едва удерживает себя, чтобы не прикусить губу. Сколько наивности в этом взгляде! Святая Чернь, как бы она вообще выжила на улицах катакомб? — И даже в Верхнем слое далеко не все могут себе это позволить?

— Тут всё несколько сложнее, милая, — женщина качает головой, а после разливает остатки виги по кружкам. — Дети — действительно благословение. Но оно исходит от са-

мой природы. Слышала поговорку, что просто так плодятся только крысы да отщепенцы? — дождавшись кивка, Вита продолжила: — На самом деле, она — ключ к разгадке некоторых тайн.

Глава 19

В одном на счёт Эмилиии что Вита Вазайски, что Кевин были спокойны — девочку несмотря на наивность почти не поджидали опасности пока она находится в стенах «Дома». И причина была довольна проста — статус женщин. Ценилась не просто маленькая девочка с уникальными способностями техника, нет. Важна была каждая женская судьба в этих стенах. Желания кажд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.